

С НИМ...
ЗАМУЖ *нельзя*

ТАЯ ГЛИБ

Тая Глиб

Замуж нельзя. С ним...

<https://litres.ru/74439669>

Аннотация

– Какое вам дело до моих отношений? Вы просто хам! – А ты – трусиха и терпила. Нахрена тебе этот абьюзер и тиран? – У неё глаза красные от слёз и распухшая щека – след от руки козла, который сейчас «отдыхает» после моей «обраточки». – А может, я заслужила? – О, он тебе еще и мозги промыл? – Да я сама разберусь! – Уже «наразбиралась»... Аж замуж за этого имбецила собралась. Постой в сторонке, малышка. Я всё решу.

Я – Тимофей Кармазин. «Хозяин» горнолыжного курорта и человек, который привык брать своё. Становиться спасителем в мои планы не входило. Но один взгляд на Софью, на её разбитую губу и потухшие глаза – и у меня внутри всё переклинило. Она считает меня хамом, влезшим не в своё дело. А я просто не позволю этой девочке уничтожить себя рядом с этим мизогиним и «солдафоном». Теперь её жизнь – моя ответственность.

КНИГИ ЭТОГО ЦИКЛА: Сёстры Андриевские

Содержание

Глава 1. Бархат	4
Глава 2. Карты в руки	12
Глава 3. Тестирование	20
Глава 4. Чистый яд	30
Глава 5. Дослушать	39
Глава 6. Начало охоты	45
Глава 7. Неугомонный	53
Глава 8. Не добыча	62
Глава 9. Девочки в отрыве	70
Глава 10. Само собой	80
Глава 11. Утренний настрой	89
Глава 12. «Покрутить»	100
Глава 13. Терапия Кармазина	116
Глава 14. Шаги	124
Глава 15. Вериги	132
Глава 16. Возвращение	141
Глава 17. Под защитой	150
Глава 18. Маски сброшены	158
Глава 19. Действие «вериг»	167
Конец ознакомительного фрагмента.	176

Глава 1. Бархат

Тимофей

Самолёт набрал высоту. В полёте — четыре часа. Ночная жизнь столицы встрясла из меня последние силы, и я решаю подремать. В голове крутятся кадры с Ликой на пилоне и её губы на... Ярко завершил ночь, а утро дома встретит тишиной и отсутствием следов Оли... Съехала. Наконец-то! Хоть бы одну неделю без баб...

В теле — полная расслабленность... Уже в полудрёме слышу тихие голоса девчонок, которые сидят передо мной. У одной — пышная белая шевелюра, которая цепляет мой взгляд. Голос приятный, чуть низкий, не визгливый, а бархатный. Такой, что заставляет прислушиваться...

Она ведёт тихий и ненавязчивый разговор. Обычно не слушаю трёп соседей, но тут не могу абстрагироваться. Мозг сам выхватывает из пространства мелодику звуков, тембр и её дыхание:

— Стас предложил пожениться, — как-то нерадостно говорит девушка. — Кольцо подарил с бриллиантом. Вложил-ся. — Последнее произносит так, как будто не раз за это «отхватила» и начала ощущать от этого неловкость, обязанность...

Её подруга с обычным тембром девушки лет двадцати, с немного вызывающими нотками в голосе, ей парирует:

— Соня, то, что на твоём пальце сейчас бриллиант размером с подкову на муравьиной лапке — это не «вложился», а облажался!

Какая меркантильная барышня! Но так даже правильнее.

Соня выдерживает паузу, шумно берёт воздух, медленно выдыхает. Это заставляет во мне что-то вибрировать. Заклю-
чает:

— Ну, не в размере же счастье!

Подружка посмеивается.

— А кстати, как с размерами? — уже хихикают чуть слышно обе, что и во мне вызывает улыбку. Я прямо вижу, как их юные щёки заливаются краской, а глаза блестят. Становится интересно не только послушать, но и, если удастся, на них посмотреть. Особенно на владелицу «бархата», который так задевает...

Её подружка продолжает:

— Ну что там? «Эх, дубинушка, ухнем» или «маленький, да удаленький»?

— Почему «удаленький»?

И тут даже я не сдерживаюсь, чуть прыская от смеха. А они хохочут.

Такие девочки!

— Да я не поняла... — говорит владелица этого низкого сексуального тембра.

И как-то сразу становится не смешно. Испортил девочке вкус, даже распробовать не дал. Олень или просто салага?

— Как можно не понять? Или и там муравьиные размеры... — её подружка явно ещё та заноза в «з».

— Тыфу на тебя, Юлька, пошлячка! Стас сказал, что я пока неумеха и зажатая, но он меня всему научит... — говорит этот «бархат» вкрадчиво. А у меня уже не только уши ведутся на её слова, но и «чел» реагирует так, будто на нём никого не было неделю... Ох ты ж блин! Какой «образец» сексуального мастерства достался девочке... Даже как-то жаль её. Подружка не сдаётся:

— Сонь, ты извини, но это уже арбузинг...

Они опять хихикают.

— Ты психопатологии перечитала? Ну какой абыюзинг? Стас просто прямой. Он же подполковник, военный — это просто особенности его манеры общения...

— Манеры гнобления...

Не могу оторваться. Слушаю продолжение, просто как какую-то сопливую мелодраму, но цепляет.

— Соф, вот зачем тебе это?

— Нет гарантии, что лучше найду...

Опа! С таким-то голосом? Можно не найти лучше, только если ты бегемотик. Хотя и в этом случае найдутся любители больших тел...

— Ты дуручка? — цокает та языком. — Ты же красотка!

— Да ну, вообще на любителя. И Стас говорит, что любит... даже с моим лишним весом...

Очередная жертва «недодает»?

— Соня, какой лишний вес? Стас твой — старый козёл. Ты сексуальная бомба! На разрыв мужиков...

Еле сдерживаю себя, чтобы не привстать и не посмотреть на эту сексапильную «бомбу» с бархатным тембром. Воображение уже всю рисует её образ.

— Ну что ты? Стас говорит, что сёстры у меня красивее. И вообще, попу я разъела...

Ух, какая красота разворачивается в моих мыслях. Этот «бархат» с круглой попой, копной белых пышных локонов...

Вау!

Подруга парирует:

— Это не «разъесть», это — приобрести округлый вид, а не быть скелетоном... Сонь, бросай ты его! Отдай ему кольцо с муравьиной подковой и пусть и-и-и... из твоей жизни!

Походу, там и правда «арбузинг». Капец как хочется на неё посмотреть и сравнить образ в своей голове с оригиналом... Или не надо? Не хочу разочаровываться. В моем сознании она просто настолько вкусная... Хочется... Аж подгорает.

Девчонки еще о чем-то щебечут. Я постепенно уплываю в дрему и мне снятся такие виды и эта Соня на мне... Лице и не довертеться до такого искусства...

Самолёт касается полосы. Чувствую, как внутри всё вибрирует в такт торможению, но трясёт не железо, а меня. Этот «бархат» впереди и сны с её образом заставили забыть про всех девочек, что у меня были...

Встаю, когда табло гаснет. Беру куртку, стараясь выглядеть максимально равнодушным, хотя охотничий азарт уже разгоняет кровь. Жду. И вот они поднимаются. Сначала Юля — бойкая, симпатичная, но обычная. А следом... следом встаёт Соня.

Мир вокруг схлопывается до одной точки. Она поворачивается спиной, чтобы достать сумку, и я замираю, забыв, как

дышать. Пышная копна светлых волос рассыпана по плечам, а ниже... Твою мать, Стас, ты не просто олень, ты слепой дегенерат!

У неё не «лишний вес». У неё божественные, сводящие с ума изгибы. Тонкая талия и те самые «округлые формы», обтянутые джинсами так, что в горле становится сухо. Это не «разъела», это природа создала эталон, чтобы мужики сворачивали шеи и «смазали» руки.

Она делает шаг к выходу, и я иду следом, впитывая каждое движение её бёдер. В воздухе тянется шлейф её парфюма — что-то молочное, нежное, с ноткой ванили. Никакой корицы и агрессии, только чистый соблазн.

Выходим в телетрап. Холодный воздух терминала должен бы остудить, но меня накрывает ещё сильнее. Смотрю на её спину и мягкие очертания тела. Длинная изящная шея, шикарные волосы переброшены на одно плечо. Спина ровная, с идеальной осанкой. Талия тонкая, почти нереальная. Джинсы подчёркивают упругие бёдра и длинные ноги на высоких шпильках. Тело реагирует короткой, приятной дрожью. Охренеть...

Она поправляет сумку, и я чувствую странное, почти забытое жжение в груди. Это не просто желание. Это ярость от того, что какой-то «полдполкан» втаптывает это сокровище в грязь.

Стас, готовься. Твоё время вышло...

Ремешок её сумочки соскальзывает с изящного плеча, и

она падает. Инстинкт срывает раньше мысли. Я делаю шаг вперёд. Наклоняюсь и поднимаю эту вещицу. Она вторит моим движениям. Чуть не ударяемся лбами. Порыв воздуха обдаёт меня её ароматом и тёплым дыханием...

Смотрю на неё... Красавица...

Яркие серо-синие глаза, аккуратный носик, чувственные, чуть припухшие раскрытые губы, этот лёгкий румянец... Она вдыхает меня, а я — её. И это откликается мгновенно, с точностью пробивая по всем точкам. Она вздрагивает, хмурится и поднимает глаза. В них считывается страх.

Протягиваю ей сумку. Она берёт, чуть касаясь своими прохладными пальчиками моей горячей руки. Залипаю настолько, что забываю обо всём и внимательно слежу за каждым её движением. Она поправляет волосы, убирая их за ушко с маленькими аккуратными жемчужными серёжками. Опускает глаза. Бросает на меня короткий взгляд и улыбается только уголками губ. Смущается.

Девчонка совсем. Лет девятнадцать-двадцать.

— Спасибо! — её мягкий бархат разливается по моей груди теплом, и мои губы сами разъезжаются в улыбке. Потёк Кармазин... Как сопляк поплыл...

Только киваю ей и скольжу по ней взглядом, пытаюсь напоследок впитать её энергетику и те флюиды, которые она неосознанно отправляет в меня... и попадает в самую цель.

Её окликают подруги. Будут отдыхать вчетвером?

Соня ещё раз благодарит и, вскинув руку мне на проща-

ние, исчезает в толпе.

А я... замираю посреди потока людей, чувствуя, как по венам растекается опасный азарт. В ладони всё ещё покалывает от прикосновения её прохладных пальцев.

Охрененное послевкусие забивает рецепторы. Я прилетел домой за покоем, а нашёл лавину, которая вот-вот меня накроет. И судя по тому, как бешено колотится сердце, выживать в этом завале я буду с огромным удовольствием.

Достаю телефон, быстро набираю сообщение начальнику своей службы безопасности: «Пробей по спискам пассажиров рейса из Москвы. Место 4С. Софья. Нужны адрес, телефон и всё по её подполковнику Стасу. Срочно».

Убираю мобильный в карман и глубоко вдыхаю воздух терминала, пытаюсь вернуть себе хоть часть ее запаха. Он не растворился, а остался во мне...

Покой отменяется. Я намерен играть по-крупному.

Ну что, Софья? Посмотрим, как быстро ты поймёшь, что замуж тебе нельзя. А вот со мной — в самый раз.

Дорогие читатели! Каждая ваша звёздочка, каждый комментарий и подписка на автора — это топливо для моей Музы. Видеть, что история Сони и Тимофея откликается в ваших сердцах — бесценно. Спасибо, что проживаете эту историю вместе со мной! ♥#

Глава 2. Карты в руки

За день до вылета в Сочи...

Софья

— Софья! Пять минут тебя жду! Ты где? — голос Стаса в трубке неприятно визжит. Хочется закатить глаза, но я сдерживаюсь — его это бесит.

— Подхожу. Закажи мне кофе и что-нибудь сладкое, я без обеда.

Короткие гудки. Сбросил. Ни «хорошо», ни «жду». Наверное, закажет.

Полтора месяца. Всего полтора месяца «отношений» — слово-то какое пафосное. На третьем свидании он позвал за муж. Всё закрутилось слишком быстро. Близость? Он настоял, я сдалась. Вышло скомкано, сухо, с липким привкусом вины. Я-то навоображала себе кино, а секс — он, видимо, такой и есть. Мужчине хорошо, а тебе... ну, как повезёт.

«Просто старайся лучше», — поучает Стас. И я стараюсь. Будет же всё хорошо, да?

Сейчас он скорее выдаст мне десять напутствий, чем сделает так, как я прошу. Но после его лекций я всегда признаю: его доводы разумны. Это я — глупышка, неопытная и юная.

А Стасу виднее. Стоит прислушаться.

Толкаю дверь кафе. В центре зала, вальяжно потягивая чай, восседает Стас.

Почему он? Сама не знаю. Раньше он бегал за моей старшей сестрой, Дашкой. Тогда он казался мне недостижимой вершиной. Важным. Взрослым. А так отчаянно хотелось, чтобы меня заметили. Не «младшенькую», а девушку Соню. Хотелось наконец стать значимой.

Папы не стало, когда мне не было и десяти. Деда Коля — замечательный, но мы видимся редко: они с бабой Лидой давно осели в своём подмосковном «имении». Мужского внимания мне всегда не хватало. Хотелось наконец его почувствовать.

Стас старше, опытнее. Он — надёжный тыл. Военные ведь другими не бывают? Да? Я сужу по отцу, погибшему при задании, по деду — генерал-майору в отставке. Стас... он правда такой же эталон?

«Я — лучший вариант для тебя», — твердит он. А я всё чаще сомневаюсь. Может, просто запуталась? Колечко на пальце ведь подтверждает: я этого хотела. Хотела ведь?

Отбрасываю мысли, подхожу к столику и выдавливаю улыбку. Стас не выносит, когда я хмурюсь — сразу начинает выговаривать. Впрочем, открытая радость его тоже бесит: нервничает и необоснованно ревнует.

— Привет!

— Софья, ты опоздала. Ты всегда будешь меня подводить? — вот и первый укол.

— Мы куда-то торопимся? — пытаюсь смягчить тон, хотя внутри всё сжимается. Накручиваю себя? Или мне кажется?

— Нет, — режет Стас. — Но я рассчитывал, что ты хочешь побыть со мной подольше. Так же, как я с тобой.

— Стас, это опоздание всего на пять минут!

— «Всего лишь» нужно заменить на «извини за опоздание», — явно начинает злиться.

Ладно. Уступлю.

— Извини.

Он наконец расплывается в улыбке.

— Ну что ты, я готов тебя ждать. Садись.

Не вставая, он небрежно отодвигает для меня стул. Мне никогда не нравился этот жест. Стас не из галантных. Он просто хочет, чтобы я поскорее оказалась рядом, поэтому не встаёт. Ведь так?

Я смотрю на стол. Там стоит чайник с его любимым зелёным чаем. Моего кофе нет.

— А где мой заказ?

— Софья, кофе вреден для кожи и пищеварения. Я тебе

уже объяснял. Сама о здоровье не думаешь, так хоть я позабочусь.

Он жестом просит официанта принести вторую чашку и долить кипятка в чайник.

— Еще чизкейк с карамелью, — добавляю я, глядя на официанта Дмитрия.

— Будет сделано, госпожа! — Дима, мой одноклассник, симпатично улыбается. Я не выдерживаю и улыбаюсь в ответ. Он быстро уходит, а Стас буквально съедает меня взглядом.

— Софья, что ты на него пялишься?! Если ты при мне так себя ведёшь, что творишь за моей спиной? Всё, хватит. Кольцо на пальце. Не какое-нибудь — как ты хотела: белое золото, чистейший бриллиант. Я его тебе не для того преподнёс, чтобы ты «морозилась».

Смотрю на скромное колечко. Тонюсенький ободок, крошечный камень. Разве это был мой выбор? Но ведь дело не в каратах, правда? Важно, что Стас меня любит. Любит же?

— За такой жест мужчина вправе ждать не просто внимания, а действий, Софья. Нужно подать заявление. Я уже решил: идём в загс в понедельник.

Киваю. Внутри что-то болезненно дёргается.

А я точно этого хочу?

Хочу же, да?

Нам приносят разбавленный зелёный чай. Кофе мне так и не дают выпить, а нежный, тающий во рту чизкейк... Он мог бы поднять мне настроение, но каждый кусок встаёт поперёк гортану под комментарии Стаса.

— Софья, не стоит увлекаться сладким. Ты и так не самая хрупкая, а привычки формируются мгновенно. Не заметишь, как наберёшь лишний вес. И прости, ты и без того не очень хваткая и гибкая, а потом...

Я не выдерживаю и бью в лоб:

— Стас, если ты всем недоволен, может, проблема не во мне?

— Ты намекаешь, что проблема во мне? — его глаза вспыхивают.

В таком состоянии с ним бесполезно тягаться. Бабуля говорит, что с мужчиной надо мягко, тогда он станет покладистым... А может, это просто не тот мужчина, ради которого стоит быть мягкой?

Набрав в лёгкие воздуха, я выпаливаю всё на одном дыхании:

— Стас, Юля пригласила меня на день рождения в Сочи, на Роза Хутор. Я вылетаю завтра.

— С чего ты решила?! — отрезает он. — Я не давал добро. Останешься дома.

— Но почему? Я хочу поехать. Её папа оплатил всё: перелёт, отель, досуг.

— Ага, чтобы ты там крутилась перед кем попало? Нет. Сиди дома. В понедельник — в загс. Хватит выдумок.

Стас продолжает приводить аргументы, но я его уже не слышу. Решение принято. На свой страх и риск я полечу. Даже если придётся схитрить.

В груди всё сжимается в тугой горячий узел. Сердце колотится так сильно, что, кажется, Стас слышит его сквозь шум кофейни. Я смотрю на его шевелящиеся губы, на то, как он властно рубит воздух ладонью, и понимаю: если не улечу сейчас — не улечу никогда. Понедельник станет точкой невозврата. Кольцо на пальце вдруг кажется не украшением, а кандалами. «Я просто хочу дышать», — проносится в голове. И это заставляет меня сделать по-своему...

Сейчас

С именинницей Юлькой и нашими подружками Златой и Маринкой встречаемся в аэропорту. Мой чемодан небольшой, но внутри — стратегический запас: от дерзких мини до шёлковых пижам. Люблю комфорт по высшему разряду. Маринка, как обычно, с одной ручной кладью — она вообще не заморачивается. А вот Злата с Юлей — наша местная

«богема»: у каждой по огромному кофру, в которых можно спрятать Нарнию.

— Юль, ты туда трёхъярусный торт упаковала? — киваю я на её гигантский чемодан.

Девчонки взрываются хохотом. Юля, поправляя очки, парирует:

— Бери выше! Я туда стриптизёров утрамбовала. Будут нас развлекать, как «двое из ларца».

Маринка скептически осматривает габариты багажа и вставляет свои пять копеек:

— Опять твои худосочные «стринготрясы»? Зачем место занимать, думаешь, в Сочи не найдём?

— Найдём, найдём! — отмахивается Юлька. — А это мой гардероб на случай ЧС.

— Что должно произойти, чтобы за три дня ты всё это успела примерить?

— Девочка должна быть во всеоружии! А ещё там есть парадно-выходные комплекты для вас. Вдруг ЧС случится с вами? Я вот очень надеюсь, что некоторым встретится принц, и они наконец-то передумают выходить замуж за...

Юля осекается, выразительно глядя на моё кольцо, и мы

все понимаем, о ком речь.

Перелёт проходит спокойно. Сначала мы трындим с Юлькой — наши места рядом, — а потом немного дремлем.

Посадка.

Идём к выходу. А между лопаток подгорает от чьего-то взгляда, так что аж мурашит. Юля пропускает меня вперёд, и «связь» обрывается.

В телетрапе с моего плеча слетает сумка. Наклоняюсь её поднять — и сталкиваюсь рукой с мужчиной, который бросился на помощь. Разряд. Меня буквально прошибает током. Те же мурашки, что были в самолёте, теперь набатом бьют по затылку. Симпатичный. Но в голове вспышкой голос Стаса: «Что ты творишь за моей спиной?!»

Я одёргиваю руку. Короткое «спасибо» — и я уже рядом с девчонками. Только пульс в висках выдаёт: зацепило...

Фото к отдельным главам книги в ТГ канале. Присоединяйтесь! Ссылка в моём профиле

Глава 3. Тестирование

Соня

К забронированному шале мы со Златой, Маринкой и Юлькой подкатываем на такси почти в полдень. Погода — восторг. Хочется впитывать это солнце, весну и свободу... Свободу от мыслей, обязательств и — главное — от Стаса.

Я уже приняла душ и переоделась в красное платье. Хочется праздника и красоты.

Юлька не унимается. Она — самая успешная студентка на нашем факультете. По патопсихологии у неё лучшие практические навыки, и это неудивительно: гены. Мама — психиатр со стажем, бабуля сорок лет отпахала в Следственном комитете, а отец — крутой криминалист и профайлер. Юлька видит людей как открытую книгу, и сейчас её «рентген» направлен на меня.

Едва мы с ней приземляемся на огромный диван в залитой светом гостиной, она идет в атаку. Без предисловий. Напрямик.

— Сонька. Слушай, а как Стас к тебе обращается? Ну, называет как-нибудь ласково?

Я теряюсь. Странный вопрос. Пытаясь сформулировать ответ, я вдруг ловлю себя на мысли, от которой становится не по себе. Это даже не звоночек — набат.

— Софья. Он всегда называет меня только Софья.

— А в постели?

— Никак... — чувствую, как лицо заливают пунцовая краска. Я сейчас реально как свёкла.

— В смысле «никак»? Ни «котёнок», ни «сладкая», ни «малышка»? Даже не «Сонечка»? — Юлька корчит гримасу и, пародируя его скрипучий голос, выдает: — «Софья, я тебя хочу!» Так, что ли?

Меня будто кипятком обдаёт.

Вспоминая нашу близость (целых два раза!), я с ужасом осознаю: он вообще не произносит моего имени. Только сухие претензии на «ты»: «Ты не стараешься», «Ты зажата», «Тебе надо расслабиться». А потом это его контрольное: «Мне тоже не в кайф, когда ты подо мной не кончаешь».

Фу!

К горлу подкатывает горький ком, в глазах щиплет.

— Соня, эй, ты чего? — Юлька мягко касается моего плеча. — Ну и сволочь же он. Так испоганить первый опыт такой девочке!

Она заглядывает мне в глаза, требуя ответа:

— Сонь, ну правда, на фига он тебе? Вокруг целый мир, такие возможности! Зачем ты на него соглашаешься?

— Я уже и сама не знаю, — выдыхаю я. — Сначала всё так красиво: цветы, рестораны, кино. Чувствую себя значимой, взрослой... А потом — бац! — предложение, близость, и понеслось.

— Соня, ты же будущий психолог! — Юлька всплескивает руками. — Должна же видеть его насквозь.

— Да я и подумать не успеваю! Когда он рядом, меня так накрывает эмоциями, что на анализ сил не остается. Он просто давит...

— Вот и попробуй сейчас. Пока его нет на горизонте.

— Предлагаешь подвергнуть его поведение жёсткому анализу?

— Именно. Давай пройдем тест, я тут одну методику нашла.

Юлька быстро сёрфит в телефоне.

— Ага, вот! «Сталкиваетесь ли вы в отношениях с двойными стандартами?» То есть тебе нельзя, а партнёру — в порядке вещей.

— Постоянно. Но это так, мелочи...

— А ну-ка подробнее!

— Ну, он запрещает мне пить кофе и есть сладкое. Зато сам каждое утро начинает с эспresso и легко уминает в кафе пирожное. Ещё и приговаривает: «Софья, тебе нужно блюсти фигуру, сахар вреден».

— Вот же паразит! — пылит Юлька. — А ещё?

— Ещё мне нельзя ходить куда-то вечером с подругами. Зато сам с армейскими друзьями пропадает постоянно. Что, это тоже звоночек?

Юлька закатывает глаза и назидательно трясёт указательным пальцем над головой:

— У-у, ещё какой! Дальше. Чувствуешь ли ты страх или опасность перед общением? Боишься его реакции на твой вид, на поведение, на то, что ты что-то не сделала?

— Конечно... Но это же забота. Я просто не хочу его расстраивать.

— Забота, Соня, — это не нотации читать!

— Но он так...

— Даже не пытайся его оправдать! — отрезает Юлька. — Боишься или нет, когда идёшь с ним навстречу?

Мой голос садится, я едва шепчу:

— Да... Он постоянно всем недоволен. Может сорваться на крик, а когда извинюсь — снова ласковый.

Подруга прикусывает губу, видимо, чтобы не сболтнуть лишнего. Только коротко угукает.

— Третий вопрос. Его поведение меняется, когда вы на людях? Среди родственников, знакомых?

— Скорее да. Заезжали к моим бабушке с дедушкой. Я зашла чуть раньше, Стас следом. При деде он меня так хва-

лил! И красоту, и платье... Даже называл Софьюшкой.

— Вот же п...индюк! — Юлька едва сдерживается. — Четвёртый: он ярко выражает злость?

Я невольно ёжусь. Не хочу, чтобы Юлька заметила, но она профи — моментально считывает мои телесные реакции. Её голос звучит теперь совсем тихо, почти интимно:

— Соня, он тебя ударил?

— Нет! — машу я руками. — Но в гневе он страшен. Как-то швырнул мой телефон в стену. Он что-то говорил, а я отвлеклась на сообщение. Стас просто выхватил трубку и кинул... Хорошо, корпус стальной, не пострадал.

— Соня, а ещё?

— Ну... толкнул как-то. Ему нужно было пройти, а я не поняла, мы шагнули в одну сторону и чуть не столкнулись. Он просто отшвырнул меня с дороги. Я тогда сильно бедром об угол столашибанулась. Но это же мелочи! С каждым может случиться...

— Соня, не с каждым случается Стас. Как он отреагировал на то, что ты ударилась?

— Сказал, что сама виновата. Не мешалась бы под ногами — не ударилась бы.

Мне уже всё понятно. Но я, как мазохистка, продолжаю отвечать на эти болючие вопросы.

— И последний, Соня. Чувствуешь, что твой эмоциональный фон изменился? Стала более раздражительной, апатичной?

— Да. Я же по натуре упёртая, но со Стасом проще согласиться, чем спорить. Мне уже всё равно, лишь бы он не возмущался...

Юлька молчит. Мы смотрим друг другу в глаза, и я не даю ей вставить ни слова. Выпаливаю сама:

— Это нездоровые отношения. Я сейчас это понимаю... Но как их закончить? Мне кажется, если я верну ему кольцо, он меня просто прибьёт...

С верхнего этажа к нам «выплывают» Маринка и Злата.

Маринка прямолинейна, как выстрел в упор:

— Кто кого прибьёт? Я в деле! Огласите список, я готова помочь.

Мари с десяти лет в профессиональном самбо. Турниры, медали — она мастер спорта и «набила руку» в самом пря-

мом смысле слова.

— Тебе нельзя, — парирую я. — У тебя режим и спортивная этика.

— Ой, брось. Так кого? Стаса твоего... обосраса?

— Фу, Мари! — морщится Злата. — Можно без твоей фирменной «эстетики»?

— Можно, но суть-то не изменится.

Я понимаю: девчонки уже давно перетёрли эту тему косточка за косточкой. Весь этот выезд в Сочи — не просто отдых, а спецоперация по моей реабилитации и прочистке мозгов. И знаете... работает. Здесь, вдали от Стаса, мыслится легче, а страх понемногу отступает.

Злата — наша «золотая девочка» — подхватывает:

— Соня, себя надо ценить. Любить! Зачем соглашаться на вариант, который тебя хоть в чём-то не устраивает? Ты же красотка. Зачем тебе этот «кривой и корявый», когда вокруг полно «прямых»?

До сих пор не понимаю, как Златка с нами сдружилась. Мы с Юлькой и Маринкой — ягоды одного поля. Семьи интеллигентные, образованные. У Маринки папа военный, мама — учительница. У меня так же, только папы уже нет. С

Юлькой всё ясно — там целая династия. А Злата... Её мама вечно порхает между Мальдивами и Паттайей, папа — крупный бизнесмен, поднявшийся на «мутных» схемах в девяностых. Про таких как Злата говорят: «родилась с золотой ложкой во рту». И вот она здесь, с нами. У нее нет сестер, братьев, может поэтому. Мы ее любим любой, а она нас тоже приняла как родных.

Маринка хлопает ладонью по столу.

— Так, план «Анти-Стас» в действии! Первое: Соня, блокируешь его везде. Второе: возвращаешь ему кольцо, идем вместе, я подстрахую. Если дернется — проверим его челюсть на прочность.

— Мари, ну какая «челюсть», — вздыхает Злата, поправляя идеальный локон. — Кольцо можно вернуть и через курьера. Чтобы он понял: доступа к телу больше нет.

Юлька кивает, уже что-то помечая в телефоне:

— Согласна. Психологический разрыв должен быть окончательным. Никаких «давай поговорим» и «последних встреч». Он манипулятор, он тебя сожрет за пять минут...

Я слушаю их, и мне правда становится легче. Воздух в шале будто пропитывается их уверенностью. Я уже тянусь к кольцу на пальце, чтобы сорвать его прямо сейчас, как вдруг...

Во входную дверь, раздается резкий, требовательный звонок. А следом — тяжелые удары кулаком в дерево.

Мы замираем. Девчонки переглядываются. У меня внутри всё холодеет, а сердце начинает долбить в ребра, как сумасшедшее...

Глава 4. Чистый яд

Соня

— Софья! — стальной голос за дверью бьёт по ушам. Ноги тут же становятся ватными. Сердце замирает. — Я знаю, что ты там. Открывай. Нам нужно серьёзно поговорить!

Маринка медленно поднимается с дивана. В глазах недобрый блеск, кулаки сжимаются до белых костяшек.

— Опа... А вот и «кривой-корявый» пожаловал. Ну что, девчонки, принимаем гостя по всем правилам?

— Марина, уймись! — вскидываюсь я. — Я сама с ним поговорю.

— Сонь, какое «поговорю»? — Юлька перехватывает мой взгляд. — Ты видишь, в каком он состоянии? Он не за разговорами прилетел, он тебя сейчас силой уволочёт. Может, сразу полицию?

— Не смей! Я сама разберусь.

Я боюсь за девочек. Его я успокою. Но вдруг он и на них сорвётся....

Иду к двери. Она буквально ходит ходуном под его ударами — того и гляди вылетит из петель.

Рывок за ручку — и в дом вваливается Стас.

Смотрю на него и впервые вижу не «своего мужчину», а чужака. Взгляд со стороны — это больно. Весь в чёрном, этот китель его, погоны... Лицо багровое от злости, глаза — две ледяные щёлки. Господи, да он же мне в отцы годится... Настоящий кошмар!

Меня передёргивает от отвращения, но его голос срабатывает как старый переключатель. Инстинктивно хочется сжаться, исчезнуть, сделать что угодно, лишь бы он перестал метать молнии.

— Софья! — он выплёвывает моё имя и брезгливо обводит взглядом моих подруг. — Я не разрешал тебе уезжать. Почему послушалась? Что за детский сад! Почему я должен за тобой бегать, тратить время и деньги на билеты, пока ты тут с этими шалавами хвостом крутишь?

— Стас, прекрати! — мой голос дрожит, но я стараюсь стоять прямо.

Он рывкает каждое слово, впечатывая его в меня своим взглядом-стрелой. Мороз по коже. Мне жутко.

— Иди собирай вещи! — гремит Стас. — Мы уезжаем! Собираю всю волю в кулак. Поднимаю глаза и, преодолевая дрожь, парирую:

— Нет! Я остаюсь здесь!

Девчонки за спиной ободряюще кивают. Маринка крутит ладонью в воздухе — показывает, что надо жёстче, сильнее... Но это «нет» — предел моих сил.

Стас криво усмехается, делает шаг и стальным капканом хватает меня за локоть. Тянет к выходу.

Девчонки бросаются наперерез, но он буквально вытаскивает меня за дверь, не обращая внимания на мои попытки вырваться.

— Мы поговорим! — бросает он им через плечо. А потом в лицо мне: — Твои шлюшки-подружки переживут твоё отсутствие.

Он поворачивает голову к дверному проёму:

— Мы в ресторан. Должен же я убедиться, что Софья здесь не голодает. А то, не дай бог, похудеет!

Подруги что-то кричат вдогонку.

Маринка пытается перехватить его руку, оторвать от меня, но Стас резко толкает её. Боковым зрением вижу, как Маня летит на пол.

Стас забирает ключи из замка и захлопывает дверь. Щелчок.

Я знаю, что в доме есть вторая связка, на кухонном острове, но пока девочки её найдут...

Стас уже заталкивает меня в машину. Двигатель взрывается рыком, и мы срываемся с места. Он и правда везёт меня в ресторан.

В заведении светло и уютно. Я немного расслабляюсь, понимая: Стас не станет «пылить» на людях. Здесь он — само приличие.

К нам подходит официант.

Стас сквозь зубы заказывает чай, а я на стрессе готова слона съесть.

Меня внутренне тресёт. Но цепляюсь за воздух...

Пользуюсь случаем — может, инстинктивно хочу его побесить, а может, просто ищу утешения в еде. Заказываю салат, пасту, огромное пирожное-безе и кофе. Это единственное, что я сейчас могу ему открыто противопоставить — свой аппетит и неповиновение его диетам.

Стас морщится, его лицо на мгновение искажает гримаса отвращения. Но он молчит. Кругом люди, и ему чертовски неудобно меня отчитывать.

Я чувствую его ярость под кожей, она вибрирует в воздухе над нашим столиком. Он смотрит, как я вливаюсь в еду, и в его глазах читается: «Дома ты за это ответишь». Но сейчас, в этом светлом зале, я чувствую себя в призрачной безопасности.

Но мнимого спокойствия Стаса хватает ненадолго. Как только ближайшие столики освобождаются, его начинает

штормить.

Он подаётся вперёд, опираясь локтями на стол. Взгляд тяжелеет, превращаясь в два сверла.

— Софья, ты посмотри на себя, — его голос падает до змеиноного шипения. — Ты жрёшь это тесто и сахар, как не в себя. Тебе не противно? Ты же завтра в зеркало не взглянешь, прибежишь ко мне ныть про лишние килограммы.

Я замираю с вилкой в руках. Паста встаёт поперек горла.

— Стас, я просто голодна. И я сама решу, что мне есть.

— Ты ничего не решишь, — отрезает он, и его пальцы до белизны сжимают край стола. — Без меня ты превратишься в бесформенное нечто. Ты этого хочешь? Или быть такой же дешёвкой, как эта твоя Маринка, которая только и умеет, что махать кулаками?

Он забирает у меня тарелку с пирожным и отставляет её на край стола, почти к самому обрыву.

— Хватит позориться. Мы сейчас встаём и едем домой. Я уже купил билеты на вечерний рейс. Считай, что этот цирк в Сочи окончен.

В этот момент я вижу, как к нашему столику быстрым шагом направляется знакомая фигура. Это не официант. Это Юлька, и вид у неё такой, будто она сейчас будет проводить

вскрытие без наркоза.

Она подлетает к нашему столику как вихрь. Не садится, а замирает над Стасом, скрестив руки на груди. Её взгляд профайлера сканирует его лицо, выискивая малейшие признаки слабости.

— Соня, встаём и уходим. Сейчас же, — её голос звучит хлестко и холодно. — Такси ждёт у входа. Маринка уже в машине.

Стас даже не оборачивается. Он медленно поднимает чашку с чаем, делает глоток и только потом вскидывает на Юльку тяжёлый, презирающий взгляд.

— Девочка, ты берега попутала? — его голос вибрирует от скрытой угрозы. — Софья никуда не пойдёт. Мы обедаем, а потом едем в аэропорт.

— Она не вещь, чтобы ты её перевозил! — Юлька делает шаг вперёд. — Соня, посмотри на меня. Ты имеешь право встать и выйти. Он тебе никто.

А я не дышу. Всё замерло. И мне так страшно за Юльку.

Стас резко выпрямляется, и стул под ним скрежещет по полу. Он перехватывает мою руку под столом и сжимает так, что кости едва не хрустят. Боль прошивает до плеча, но я молчу, боясь издать хоть звук. Его глаза сейчас — как два жерла вулкана.

— Софья, скажи своей подружке, чтобы она проваливала, — чеканит он, не сводя с меня глаз. Давление его руки ста-

новится невыносимым. — Живо.

Я вижу в глазах Юли отчаянное желание мне помочь, но страх перед Стасом парализует мою волю. Я знаю: если я сейчас уйду с ней, он найдёт меня везде. Он уничтожит всё, что мне дорого. Под этим свинцовым взглядом я сдаюсь.

— Юль... иди, — мой голос звучит чужо и глухо. — Пожалуйста, уходи. Я... я поговорю с ним. Всё нормально.

— Соня, ты что несёшь? — Юлька всплескивает руками, в её глазах — смесь ужаса и разочарования. — Он же тебя раздавит!

— Юля, уходи! — почти вскрикиваю я, чувствуя, как ногти Стаса впиваются в мою кожу. — Пожалуйста, просто оставь нас!

Юлька какое-то время смотрит на меня, тяжело дыша. Потом переводит взгляд на Стаса, который победно усмехается, и я вижу, как в её глазах вспыхивает холодная ярость.

— Хорошо, — тихо говорит она. — Но помни, Соня: телефон у тебя в сумке. Один звонок — и мы будем рядом.

Она разворачивается и стремительно выходит из зала.

Стас медленно разжимает пальцы, оставляя на моем запястье багровые следы.

— Умница, Софья, — почти ласково произносит он, пододвигая ко мне пирожное. — Ешь.

А мне кусок поперёк горла. Смотрю на это воздушное бе-

зе, и тошнота подступает.

Стас выжидает, давая Юльке скрыться за дверями, и его тон резко меняется. Теперь он говорит более сдержанно, вкрадчиво, почти нежно — и от этой «ласки» мне становится ещё холоднее.

— Ну чего ты задрожала, маленькая? — он накрывает мою ладонь своей, скрывая багровые следы от своих же пальцев. — Я же просто соскучился. Ты уехала, ничего не сказала... Я места себе не находил. Ты же знаешь, какой я вспыльчивый, когда дело касается тебя.

Молчу, уставившись в стол.

— Софья, посмотри на меня, — его голос обволакивает, как липкая паутина. — Эти твои подружки... они же тебе завидуют. Хотят разрушить то, что у нас есть. Юля эта — она же спит и видит, как тебя против меня настроить. Зачем тебе этот мусор в голове? Мы прилетим домой, я закажу твой любимый ужин, отдохнёшь... Ты просто переутомилась в институте, вот и потянуло на глупости.

Он берёт ложечку и отламывает кусочек пирожного, поднося его к моим губам.

— Давай, за наше примирение. Открой рот, Софья. Не заставляй меня снова нервничать.

Я вижу, как в его глазах за этой мягкой ширмой снова начинает закипать металл. Выбора нет. Послушно открываю рот, глотаю сладкий, приторный крем, который на вкус —

как чистый яд.

Глава 5. Дослушать

Тимофей

Вот так Соня...

Пока еду из аэропорта на присланной за мной тачке, успеваю решить пару текущих вопросов по закупкам и переговорить с начальником безопасности.

Вселенная сама подкидывает мне карт-бланш. Эта девочка Соня из самолёта зарегистрирована с подругами в одном из моих шале. Да ещё и не где-то на отшибе, а буквально в пяти минутах ходьбы от моего дома. Судьба? Мне часто так фартит! Плыви ко мне, моя рыбка!

Сажу на заднем сиденье этого «парохода» (люблю большие и комфортные машины) и довольно ухмыляюсь. Что за крошка. Милая девушка, абсолютно естественная в своей красоте, юная... Осиная талия, плавные изгибы, манящие бёдра, и грудь стремящийся четвёртый... Всё по высшему разряду! Натуральное... Красивое... Манящее...

— Хотел Кармазин отдохнуть от женщин, но какой тут отдых, когда ситуация так разворачивается? Куй пока куётся!

Информации по её ухажёру, жениху с «пипироном», Станиславу «великоДУШНОМУ» пока не добыли. Но найдут. Я

в Славе не сомневаюсь. Он двадцать лет на службе отмахал. Десять лет как имеет своё охранное агентство и почти столько же начальник системы безопасности у меня. Он держит штат моих парней из охраны в узде, а для этого тоже надо быть толковым.

Дом встречает меня лаем Сёмы — моего ретривера с подбитым глазом. Он рад хозяину, а я ему.

— Скучал, мальчик, да? — Пёс показательно садится и приветственно лает. Елозит хвостом туда-сюда. Радуетя.

Три года назад его выкинули в лесу ещё щенком, кто-то повредил ему глаз. Может, птицы. Он был настолько плох, что пернатые могли подумать, что животное испустило дух. Но я выходил. И теперь он мой настоящий друг. Женщины в этом доме меняются, а «хозяин» остаётся на месте. Наша мужская дружба с Сёмой только крепнет.

Почесав его шею и морду, вдоволь наобнимавшись прямо у порога, иду кормить этого «золотистого» вкусным кормом. Откуда знаю, что вкусный? Сёма всегда подтверждает это довольным лаем и скоростью, с которой пустеет его миска.

— Ешь! — снова чешу собаку за ухом, но тот весь поглощён процессом, и нежности хозяина ему сейчас не нужны.

После дороги иду в душ. Переодеваюсь в уютный свитер и джинсы. Надо, наверное, сходить поесть. Не хочу доставку. Лучше выберусь в ресторан и заодно пройду мимо шале

Софьюшки. Я не сталкер, просто мужчина с интересом...

Захожу в ресторан отеля. Здесь всё привычно: приглушённый свет, звон приборов и услужливые улыбки персонала. Я здесь хозяин, и это чувствуется в каждом кивке официантов, но сегодня мне не нужно лишнее внимание.

Занимаю столик в тени, подальше от центра. Хочу просто поужинать, но Вселенная, видимо, решила выдать мне программу «всё включено».

От «соседей» доносится странный разговор.

Никогда не прислушиваюсь к тому, как ведут себя наши гости, но тут уши как-то сами выхватывают обрывки фраз. А стоит мне увидеть её... Именно её. Девочку из самолёта. Я превращаюсь в слух и впитываю каждое слово.

Напротив неё, лицом ко мне, вальяжно расположился мужик. Китель висит на спинке стула, по звёздам — подполковник. Отец? Чёт не похоже.

Послушаем...

— Софья, не стоит здесь оставаться. Хорошая девочка должна быть в семье, рядом с мужем, а не по курортам разъезжать с подружками и хвостом крутить, — чуть ли не хрипит этот олень.

— Ничем я не кручу... Просто у Юли день рождения, и её папа подарил нам этот уик-энд, — Сонькин «бархат» обволакивает меня. За один голос можно душу продать.

— Ты хотела сказать — выходной?

— Да, выходной.

Ой, кто-то у нас помешан на чистоте русского языка? Ну, извольте откусать яств, если дегустация предложенного вам сета вызывает зубной скрежет. Придурок!

А он не унимается:

— Ну вот так и говори — «выходной», а не «уик-энд». И вообще. От чего тебе отдыхать? Ты только учишься, не работаешь, это я тружусь, ещё за тобой сорвался. Где ты устала?

— Стас... — девушка теряет терпение.

Стас? Хреново как-то выглядишь, Стас, для мужчины такой малышки...

— Собирай вещи. Мы уезжаем. Эти подруги тянут тебя на скользкую дорожку.

Это ты, еблан, её ведешь в никуда!

Он продолжает ездить её по ушам.

— Вон уже как вырядилась! — ведёт он рукой вдоль её потрясающего тела. Она в платье алого цвета. Для него нарядилась? Зачем? Этот же ничего не оценит, вообще ничего!

— Стас, не начинай... — я прямо ощущаю, как девочке стрёмно. Чего ж она его терпит?!

— Я и не начинаю!

— Ты всегда так говоришь. С подружками не встречайся, с сестрами не засиживайся. В имение к деду не езд. А я виновата, что он не стал тебе помогать продвинуться по карье-

ре, хотя я ему и не раз намекала?

Ой, вей! А он еще и в семью залез и карьеру хочет побыстрому сделать...

— Я и сам могу продвинуться! Зачем мне помощь вояки в отставке. Он уже никакого веса не имеет. А ты опять что-то себе придумала. Я никогда у тебя помощи не просил! И вообще, незаменимых нет, Соня! И что-то я не вижу толпы женихов к тебе. Что, порода не та? Но мне сойдёт! Цени!

Вот «утварь»! Оракул-расписун!

А он продолжает:

— А ну-ка, дай мне свой телефон! Быстро! — чеканит он.

А у меня подгорает. Хочется уже встать и объяснить этому «сухожару», как себя нужно вести в общественном месте, а главное — с такими малышками.

Он буквально взрывается, переходя на хриплый скрежет:

— Ты что, уже нашла кого-то здесь? Переписываешься? Созванивались? Кого ты скрываешь? Давай сюда телефон!

Соня дрожащей рукой протягивает трубку. Тот листает переписку, проверяет звонки. Вот музло! Убедившись в чём-то своём, он кидает мобильный на стол — корпус бьёт девочку прямо по запястью. Она ойкает.

— Стас, аккуратнее. Больно же!

В задницу всё! Приподнимаюсь со стула, а руки сами подкатывают рукава рубашки выше, чтобы не мешали, когда я ему всеку. Но его следующие слова меня немного отрезвляют. Приземляюсь обратно. Продолжаю наблюдать.

— Ничего, до свадьбы заживёт!

Точно. Этот «припыженный» ей же ещё и кольцо с намерениями вручил с миллиметровым брюликом.

Он окидывает её оценивающим взглядом и показательно морщится.

На что ты там морщишься, скот?!

— Соня, для кого этот вырез? — он наклоняется к ней через стол, прихватывает край её декольте, резко тянет вниз и тут же отпускает. — На это могу только я смотреть. А длина какая? Софья! Твои ноги и твоя попа... Кстати, ты немного поправилась. Может, не стоит так много есть? Я тебе постоянно твержу. Почему не слушаешься?

— Но я хочу, — пытается твёрдо возразить она.

Бля, да он настоящий мудака и абыюзер! И он тут же подтверждает мой диагноз:

— Софья, я знаю, что для тебя лучше, а что — просто каприз. Твои сёстры так не злоупотребляют углеводами. Детка, пора брать себя в руки. А то скоро я тебя и поднять не смогу. Ты и так в постели не айс, но ничего схуднёшь и наладится.

Хиляк неурумши, чё ты там треплешь, кого ты там поднимать собрался, кого ты удовлетворять пытаешься? Себя подними и вынеси вон! удовлетвори мою просьбу! Дурачьё!

А мне уж точно пора брать себя в руки. Иду к ним...

Глава 6. Начало охоты

Тимофей

При моём приближении ресницы Сони взмывают вверх и подрагивают, как крылья бабочки. Узнала.

А я на секунду подвисяю, глядя на неё такую: естественную, без грамма макияжа, ошеломляюще красивую. И тут взгляд цепляется за её руку — на тонком запястье чётко проступают багровые отметины от чужих пальцев, которые уже начинают наливаться синевой.

В груди мгновенно вспыхивает глухая ярость. Вот же козлина рукоблудая!

Этот Стас смотрит на меня с ленивым вопросом и спокойно отхлебывает чай. Вид у него такой, будто он здесь хозяин жизни. Перевожу взгляд на девчонку.

— Соня, у тебя всё нормально?

Она замирает, бледнея на глазах, а потом поспешно трясёт головой, бросая затравленный взгляд на своего спутника. Я улавливаю этот жест.

Нихера у тебя не нормально, малышка просто напугана до смерти.

— Не бойся. Пойдём, — протягиваю ей ладонь.

Её пальцы невольно дёргаются в ответ, но замирают на

полпути.

— Парень, — подаёт голос этот ублюдок. — Ты кто такой, чтобы моей супруге подобные предложения озвучивать?

Бросаю холодный, как лед, взгляд на этого «дракона» с налитыми кровью глазами и перекошенным лицом. Он пытается не «пылить», но я вижу, как у него подрагивает челюсть. А меня уже несёт...

— Она тебе не супруга. Ещё. Пока.

Бросаю в него каждое слово, как кусок свинца, и вижу, что они бьют точно в цель. Стас дёргается, чтобы встать. Осаживаю его коротким жестом. К нам уже спешат двое охранников. Одним кивком приказываю им оставаться на месте. Стасян быстро считывает обстановку. Приземляется.

И тут же рычит на Соню:

— Кто это, блядь, такой? Ебать твой? Когда только успе-ла?!

Малышка вжимает голову в плечи, в её глазах — чистый ужас:

— Стас, я не...

Не хрен оправдываться перед ним. Не позволю.

Беру Соню за руку. Ладонь ледяная, влажная — так сильно этот скот её напугал. Притягиваю девчонку к себе. Встаёт легко, как пушинка. В глазах целый коктейль: и дикий испуг, и робкая надежда...

Стас рывком вскакивает и перехватывает её за «пораненную» руку. Соня морщится и вскрикивает от боли.

Я перехватываю его кисть и одним движением высвобождаю Соню из его цепких пальцев. Мужик впадает в ступор.

Да, Стасян, на силу всегда найдётся большая сила.

Твоей хватает только на хрупкую девочку, но явно не на взрослого мужика.

Он стоит, потирая вывернутые пальцы. В шоке...

Просто беру Соню за руку, и она доверчиво смыкает пальцы в моей ладони.

Вывожу её из ресторана. Негласно даю охране указание закрыть счёт и проследить за этим мужланом.

На улице меня самого потряхивает от неслитой энергии. Сейчас бы морду кому-нибудь набить или хотя бы грушу в зале похерачить... Напряжение зашкаливает.

Девочка отстраняется, дрожит всем телом. К ней тут же подбегают подружки, что-то щебечут. Соня как не в себе. Двое уводят её к такси, устраивают на заднем сиденье.

Одна остаётся рядом со мной. Я замечаю её не сразу, всё внимание на Соне, пока девушка не заговаривает:

— Спасибо... Это Стас ей на руке синяки оставил?

— Угу, — говорю я не отрываясь от Сони.

— Мне нужны ваши контакты. Будете свидетелем, если

делу дадим ход?

— Угу, — протягиваю ей визитку, не глядя. — За Соней и вашим домом приглядят. Здесь вам бояться нечего.

Теперь уже её очередь отвечать:

— Угу. Ещё раз спасибо. Я Юля, — девушка протягивает руку.

Пожимаю, отмечая уверенную хватку. Хорошо, что у Софьи такие подруги, с ними не пропадёт. Хотя присмотреть за ними точно стоит.

Девчонки уезжают. Я сразу набираю начальнику безопасности:

— Слав, возьми под контроль объект. Шале, где остановилась эта компания с Соней. Чтобы и волоса с головы не упало.

Сбрасываю звонок.

Машина скрывается за поворотом, увозя ту, что за последние десять минут перевернула всё внутри. В воздухе ещё висит шлейф её страха и едва уловимый аромат... ванили. А ладонь до сих пор жжёт от её ледяных пальцев.

«Ничего, малышка, отогреешься», — проносится в голове.

Я стою, сжимая и разжимая кулаки. Адреналин требует

выхода, мышцы гудят. Хочется сорваться с места, догнать такси, забрать её себе... Нельзя. Испугаю. Да и что я ей могу сейчас предъявить? У девочки своя жизнь. Ей и так досталось от этого Стаса, а тут еще я со своим «хочу узнать поближе».

Малышке бы себя собрать и определиться, что ей надо. Девчонка же не виновата, что кругом одни ебланы... Стас этот как паук: нашёл жертву и мастерски оплёл паутиной. Один рывок — и Сонька сдастся. Вижу, что нет у неё сил бороться. Подружки поддерживают, но что три соплюхи перед подполковником? Бьются за неё — уже умницы! Но победят ли?

Я же тоже не подарок! Такой девочке нужен мужик без зияющего настоящего, а у меня хер разгребёшь. Оли, Лики, Марины, Ирины... Хер отмахаешься. Но, глядя на Соню, мне впервые хочется «отмахаться». Может, стоит попробовать?

Двери ресторана с грохотом распахиваются. На крыльцо вылетает Стас. Вид — жалкое зрелище: галстук сбит набок, лицо багровое, глаза бегают. Увидел меня, и его окончательно прорывает.

— Ты! — он тычет в меня дрожащим пальцем, не решаясь подойти ближе, чем на три метра. — Ты хоть знаешь, на кого прыгнул? Ты бессмертный что ли? И китель не заметил, и звание не зацепило? Я её из-под земли достану! Она моя вещь, ясно тебе? Моя! Со всеми потрохами!

Я медленно поворачиваюсь к нему. Спокойно.

Фу, бля, недомужик какой.

— Послушай меня внимательно, «собственник», — мой голос звучит тихо, но в нём столько стали, что Стас невольно делает шаг назад. — Ты сейчас очень тихо сядешь в своё авто и исчезнешь из этого города. Если я ещё раз увижу тебя ближе, чем на километр к этой девочке... или если на её телефоне появится хотя бы одно твоё сообщение...

Я подхожу вплотную, возвышаясь над ним как скала. От него пахнет дорогим парфюмом и дешёвым страхом.

— Я лично прослежу, чтобы твоя жизнь превратилась в бесконечный аудит и серию уголовных дел. А пальцы, которыми ты её трогал... — я бросаю красноречивый взгляд на его руку. — Мы их тебе поправим. Навсегда. Понял меня? И табельное уже не поносить, стрелять не сможешь. Комиссуют.

Он открывает рот, ловя воздух, как выброшенная на берег рыба. Спеси поубавилось.

— Пошёл вон, — бросаю я, теряя к нему всякий интерес.

Стас что-то шипит под нос, спотыкается о порог и почти бегом бросается к своей машине. Дёшево. Грязно.

Достаю телефон, набираю опять начальника безопасности:

— Слав, пробей этого Стаса. Всё: службу, проёбы, долги, скелеты в шкафу. И подготовь ребят. Девочки должны быть под негласным куполом двадцать четыре на семь.

— Да ребят-то я отправил. Чё там у тебя?

— Жопа какая-то. Подполковник. Будет пытаться увезти девочку силой.

— Это личное или как за клиентку волнуешься?

— И то, и то... Короче, любое движение в их сторону — пресекать жёстко.

— Сам не напыли.

— Угу.

Эмоции рубят. Надо в зал сходить. Потом заплыв в бассейне — и должно отпустить. А то при еще одной стычке точно этому Стасу челюсть сломаю.

Закуриваю, глядя на тёмные вершины гор. Иду в сторону своего дома. Как раз гляну, как добрались девчонки. Тут пешком минут семь.

Но, кажется, мой спокойный сезон на курорте официально закончен. Началась охота.

Сам над собой посмеиваюсь.

Кармазин, ты на кого предпочитаешь охотиться: на пугливую лань или разъяренного кабана или бычка?

Ох ты ж... Перед глазами встает такая картина, что вопрос снимается...

Глава 7. Неугомонный

Соня

Девочки запихивают меня в машину. А в голове одна мысль: «Что я наделала?» Он же сейчас вообще озвереет! Мне страшно и за себя, и за подруг. Мы здесь одни. Тут нет ни наших родителей, ни моих сестрёнок... Кто нам поможет?

Меня трясёт. Волнение не душит — оно оглушило и всё внутри обездвижило.

Маринка растирает мне ладони. Злата гладит по спине... Их присутствие немного возвращает к жизни. Юлька садится в такси, и мы едем. Я бы предпочла прямо сейчас вернуться в Москву, но...

Этот мужчина из аэропорта. Как он здесь оказался? Почему вступился и буквально вырвал меня из рук Стаса? Для него ведь тоже могут быть последствия?

И перед всеми стыдно: перед девочками, перед моим «спасителем», даже перед таксистом, который видит мои слёзы...

Мы приезжаем к шале. А мне страшно заходить в дом. Его стены и двери не спасли нас два часа назад, когда явился Стас.

Мы немного стоим на улице, чтобы я подышала и успоко-

илась. Маринка кипит:

— Вот же скотина этот Стас! Соня, всё, так продолжаться не может. Заканчивай, жёстко. Охране сообщим, с ним поговорят... Наедине с ним больше не оставайся, слышишь?

— Да. А ты как? Не сильно ударилась, когда Стас тебя толкнул?

— Я сгруппировалась, всё нормально, за меня не беспокойся. Лучше о своих руках подумай. Эта тварь на тебе такие отметины оставила. Надо фиксировать побои и писать заявление. И даже не пытайся юлить.

Я не хочу. Не хочу злить его ещё больше. Может быть, он бы как-то сам «отпал»? Ну зачем вот я ему?

Юлька как будто читает мои мысли:

— Соня, он абьюзер с маниакальной привязанностью. Он зациклился на тебе и просто так не отстанет. Его надо жёстко останавливать. Если нужно, я поговорю с папой и бабулей.

— Не нужно!

Ещё перед ними позориться. Нет уж. Но Юлька не унижается:

— Идём в дом, я сейчас же позвоню папе и узнаю, как

нам лучше поступить. Соня, куда тянуть, чего ждать? Ждать, когда этот больной тебя просто силой затащит в машину и увезёт? А потом где нам тебя искать? Заставит тебя родным сказать, что у тебя всё хорошо, а сам будет издеваться и мучать. Соня, приди в себя!

Мне так страшно, капец. Разборки со Стасом и эмоциональные качели выбили меня из колеи, мне уже всё равно. Хочется забиться под корягу, чтобы меня просто никто не дёргал, не заставлял принимать решения и не говорил о Стасе.

Злата шепчет:

— Вспомнишь заразу — появится сразу.

К нам уже едет машина Стаса. Девчонки хватают меня и несутся в дом, но мы не успеваем захлопнуть дверь. Стас сваливается внутрь. Его голос — грубый, жёсткий, отвешивающий мне ментальные пощёчины. Щёки краснеют, перед глазами всё плывёт. Мне страшно. Очень.

— Софья, где твои вещи?

Он тянет меня за руку. Девочки не успевают сориентироваться, а он уже вбегает со мной вверх по лестнице. Хватает мой ещё не разобранный чемодан, сумочку и лежащий на комоде паспорт...

Девчонки догоняют, что-то ему кричат. Маринка пытается меня заслонить, а Злата тянет в другую комнату, но не успеваем мы закрыть дверь, как Стас рывком вытягивает ме-

ня на себя, и я ударяюсь о его грудь. Запах его туалетной воды с нотками табака бьёт в ноздри — меня подташнивает, голова идёт кругом.

Он рывком вытаскивает меня на улицу и ведёт к машине.

Я сопротивляюсь из последних сил, мне кажется, даже царапаю его руки, на что он реагирует мгновенно.

Мне прилетает хлёсткая пощёчина, выбивая остатки воли и тяги к бунту.

В ушах звенит, перед глазами вспышки, больно жутко. Слабость разливается по всему телу, ноги подкашиваются. Слезы льются сами собой... Вот же ублюдок!

И тут подбегает охрана и ОН...

Тимофей

Не могу себя сдержать, когда вижу, как этот бьёт её по лицу. А она чуть сознание не теряет. В несколько шагов преодолеваю расстояние и одним движением в скулу — хоть и смазанным — выбиваю этого Стаса. Тот аж отлетает от неожиданности.

Хватаю Соню за руку, а она ещё и брыкается. Видимо, девочка не в себе и сейчас любого мужика воспринимает как потенциальную опасность. Мои резкие «впрыжки» в её жизнь могли напугать, но я тоже на эмоциях, которые хрен знает куда засунуть. Одного кулака в морду этому абьюзеру не хватило.

— Соня, быстро в дом!

А она ещё и кричит на меня, но не двигается с места. В шоке девочка. В ситуации «бей или беги» она выберет «бей», но её «бей» — это только слова. И не всех они ранят. Такого слона, как Стас, они точно не проймут. Кляп засунет — и будешь молчать всю жизнь. С ним только беги!

Она огрызается:

— Вы кто? Какое вам дело до моих отношений? Вы просто хам! — потирает вторую руку, за которую уже я её дёрнул, оттаскивая от Стаса. Видимо, переборщил. Но там только розовая полоска, синяка не будет.

— А ты — трусиха и терпила. Нахрена тебе этот абьюзер и тиран?

У неё глаза красные от слёз и распухшая щека — след от руки козла, который сейчас «отдыхает» после моей «обраточки».

— А может, я заслужила? — шепчет она.

— О-о, он тебе ещё и мозги промыл?

— Да я сама разберусь!

— Уже «наразбиралась»... Аж замуж за этого имбецила собралась. Постой в сторонке, малышка. Я всё решу.

Промаргиваю Стаса. Он встаёт и нападает со спины, сбивает меня пинком с ног. Вот же сука!

Теряю равновесие и падаю.

Пока встаю и разворачиваюсь, прилетает кулак — смазано, но рассекает бровь. Охрана летит к нам. Я останавливаю их жестом.

— Стоять! — рявкаю охране.

Они же не знают, что этот урод не простой, а при погонах. Сам я отбрехаюсь, но если и мои сотрудники будут замешаны, дело примет совсем другой оборот...

Пока я отвлекаюсь на пару секунд, этот хорёк — хитрый, маленький зверёк — заталкивает Соню на переднее сиденье своей машины и блокирует двери.

Одним движением я встряхиваю Стаса и припечатываю кулаком в лицо — тот аж отлетает. Забираю у него ключи, открываю малышке дверь.

Соня

Я дёргаю ручку, пытаюсь открыть машину — заперто. Понимаю: это конец! Всему конец! Я не хочу с ним, никогда, ни за что!

Но вмешивается опять ОН.

Стас отлетает от ЕГО удара. ОН забирает ключи, освобождает меня. Рывком вытаскивает наружу, прижимая к себе. Волна свежести и зелени врывается в лёгкие...

ОН ведёт меня к подругам и велит зайти в дом.

Стас орёт:

— Ты, блядь, такая... уже с ним трахалась, да?! Откуда этот защитник сирых и убогих? Ты, мужик, сам-то понял, что на подполковника напал?

— На тебе ни мундира, ни погон. А на лбу статус не написан. Свидетелей много. Так что завали! — его голос звучит так уверенно, что на секунду я ему верю. И это мимолётное чувство даёт мне хоть неосязаемую, но надежду.

Я не выдерживаю — буквально сдираю с пальца кольцо и бросаю Стасу под ноги.

— Я не буду с тобой! И замуж за тебя никогда не выйду! Всё! Хватит!

— Выйдешь, Софья. Выйдешь, — он наклоняется и поднимает кольцо.

Я отворачиваюсь, и тут краем глаза улавливаю, как Стас «припечатывает» моему спасителю. Тот сгибается от боли, губа рассечена, идёт кровь. Охрана снова подскакивает, но ОН их останавливает.

— Не лезьте! — рявкает им. — Сам!

И как захерачивает ему в нос — даже мне кажется, что слышен хруст перегородки. Мамочки... Стас падает, теряя

сознание.

Маринка только присвистнула:

— Красавчик вообще! Так его, на тряпки, мудачьё!
А спаситель, метнув в нас недобрый взгляд, гаркнул:

— В дом! Живо!

Сам он остался с охраной и Стасом на улице.

Юркаем в дом.

Злата сразу запирается на ключ, а сами мы прилипаем к стеклянной двери на кухне и наблюдаем за тем, что происходит во дворе.

Охрана кому-то звонит.

Через минуту приезжают две машины. Из одной вываливаются мужики в бронеках, из другой — какой-то парень, точнее, шкаф-брутал.

Они здороваются со «спасителем» за руку, что-то обсуждают. Тот дает кому-то сигнал рукой, и парень достаёт из багажника машины Стаса мои вещи.

Стаса поднимают — он уже пришёл в себя. Усаживают в его же машину на пассажирское сиденье, один из парней садится за руль, и они уезжают.

Минут через пять все рассасываются, а «спаситель» идёт к нам.

Рукой показывает, чтобы открыли дверь.

Маринка отпирает.

Он заходит, заносит мой чемодан и ставит его у порога. Девчонок негласно просит оставить нас на пару минут наедине.

Они соглашаются, отходя в гостиную, которая отделена от кухни стеной лишь наполовину, так что нам друг друга даже видно.

Его голос звучит мягко:

— Ты как, малышка?

Я пожимаю плечами. На душе как-то странно. Ощущение, что я знаю этого человека всю свою жизнь, хотя мы сталкивались лишь на короткое время...

— Не бойся... Я рядом...

Глава 8. Не добыча

Соня

Рядом с НИМ мне спокойно. Хотя меня ещё внутренне мандражит от выходки Стаса. От его грубости. От того, что сегодня я увидела всё это как бы со стороны — и мне стало жутко от этой картины.

Как я могла не замечать очевидного?

Грубые, хлёсткие слова этого мужчины отрезвили окончательно. Стас — ещё тот козёл! И как я позволила ему оказаться рядом с собой, как подпустила так близко?

Недаром моя сестра Дашка от него отбрехала несколько лет назад. Он же метил в её ухажёры, но она сразу провела параллели. Почему я не доверилась её мнению? Мнению сестрёнок вообще? Моя старшая сестра Маша, самая рассудительная и мудрая из нас, всегда о нём отзывалась сдержанно, но категорично: «Абьюзер и солдафон».

— Соня, как ты? — ЕГО голос, низкий и мягкий, даже обволакивающий, вырывает меня из мыслей.

— Руки покажешь?

Я протягиваю их ЕМУ. ОН принимает мои ладони. ЕГО

— большие, сухие и тёплые, нежные какие-то. У Стаса всегда руки были прохладными, жёсткими, его тонкие пальцы больше походили на барабанные палочки...

Я чувствую тепло этого мужчины. ОН чуть прикасается к моим запястьям кончиками пальцев — к тем отметинам, что оставил на мне Стас. На одной руке небольшое покраснение. ОН ведёт по нему и тихо произносит:

— Прости. Я не хотел. Но мне нужно было быстро вырвать тебя из его лап.

— Зачем? — говорю я чуть слышно и сама пугаюсь того, что задаю этому незнакомцу такой вопрос. А вдруг он меня неправильно поймёт?

— Соня, любой нормальный мужик на моём месте, став свидетелем вашей ссоры, поступил бы так же. Не нужно искать двойное дно там, где его нет.

— А его точно нет?

«Да заткнись ты уже, Соня!»

Как двусмысленно звучит... Будто я напридумывала себе чего-то. Мне так стыдно, что щёки начинают пылать.

ОН смотрит на меня, и его губы подрагивают от плохо скрываемой улыбки. И эти искорки в глазах...

— Есть. Но это дно не Марианской впадины... Не нужно

думать обо мне плохо. Я не причиню тебе вреда.

— То есть у тебя есть свой умысел?

«Я что, с ним заигрываю? Вот дура!»

— Есть. Не хочу, чтобы хорошей девочке какой-то козёл жизнь испортил.

— То есть ты не для себя старался?

«Замолчи, Соня, это уже переходит грань и заваливается в откровенный флирт!»

Я становлюсь цвета своего платья — алая как помидор.

— Прости. Это от волнения и эмоций я мелю чушь...

ОН чуть приближается к моему лицу и, склонившись, замирает в паре сантиметров от моих губ. ОН жжёт дыханием и своими словами:

— Не для себя старался. Для тебя...

Отстраняется, а мне уже не хватает ЕГО тепла.

— Соня, этот Стас больше не подойдёт. Здесь — не подойдёт. Но в остальной жизни тебе нужно решить этот вопрос самой. Зная таких, как Стас: он так просто не отступит-ся. Он настоящий маньяк и ещё даст о себе знать. И если ты не хочешь его в своей жизни, то должна быть стойкой...

Подумав и что-то взвесив мысленно у себя в голове, ОН

продолжает:

— Вот моя визитка, — кладёт её на кухонный остров. — Если нужна будет любая помощь, я помогу. Мне нужно идти. Этот вопрос ещё не закрыт.

ОН уже разворачивается, а я бросаю беглый взгляд на визитку. Тимофей...

Я его окликаю:

— Тима...

Он резко замирает и бросает на меня какой-то особенно тёплый взгляд.

— М-м-м?

— Тим, — я мнусь, но решаюсь. — Спасибо. Большое спасибо...

— Пожалуйста! — он расплывается в такой искренней и доброй улыбке, что даже его рассечённая губа с запёкшейся кровью и рана на брови кажутся самыми красивыми отличительными знаками этого мужчины.

Он подходит ко мне и прикасается ладонью к щеке, чуть поглаживая её. Меня мурашками обдаёт от его теплоты и заботы.

— Лёд к щеке приложи. В холодильнике есть.

Я киваю головой, а он продолжает, чуть понизив голос:

— Всё хорошо! Только не позволяй с собой так. Ты замечательная и красивая, у тебя потрясающая фигура и очень сексапильный голос. Ты хорошая девочка и достойна лучшего — вот и всё!

Он отходит, бросая девочкам: «Пока». Юлька его провожает, и они о чём-то тихо переговариваются. Щелчок двери — и наша связь обрывается. Я «отмираю».

Его слова — как истина, к которой я годами шла, но никак не могла осознать. Теперь всё стало прозрачным и само собой разумеющимся...

«Я хорошая девочка и достойна лучшего!»

Стою на кухне, оглушённая осознанием этой фразы.

Ко мне подходят девчонки. Маринка берёт меня за плечи и обнимает. Правда, борщит, забывая, что не все вокруг неё КМС по самбо.

— Что он тебе сказал?

— Самые хорошие и нужные слова... И, кажется, я наконец-то их услышала.

Юлька со Златой улыбаются. У всех немного отлегло.

Да, утро и день у нас выдались на редкость бодрые. Юлька шутит:

— Не зря я наряды на случай ЧС приготовила, да? Будем

кутить! Сегодня так-то у меня день рождения.

Блин! С этой суматохой мы и забыли, что у нашей девочки днюха.

И вот мы уже с поздравлениями лезем обнимать нашу Юлишну. Не каждый день исполняется девятнадцать лет!

Мы с девчонками буквально взрываем спокойствие нашего шале. Чемоданы выпотрошены, по кроватям раскиданы платья, туфли и косметички. После утреннего ада это сумасшествие кажется спасительным.

Юлька, как именинница и главный стилист, носится между нами с плойкой в одной руке и бокалом шампанского в другой.

— Так, Соня, никаких «скромных» вариантов! — Юлька придиричливо оглядывает мой гардероб. — Сегодня ты должна сиять. Нам нужен такой образ, чтобы у твоего спасителя, когда мы приедем в его клуб, дар речи пропал.

— В его клуб? — я замираю с тушью в руке. — Юль, ты уверена, что нам стоит идти именно туда?

— А куда ещё? — Маринке, которая уже влезла в свои любимые кожаные брюки, море по колено. — Визитку он тебе зачем дал? Это же приглашение, детка. К тому же там лучшая охрана. Стас туда и на пушечный выстрел не подойдёт.

Я смотрю на карточку, лежащую на зеркале. «Тимофей Кармазин». Звучит надёжно, как гранитная скала.

В итоге Юлька выбирает для меня то самое алое платье — шёлковое, на тонких бретелях, которое облегает тело как вторая кожа. Минимум украшений, только тонкая цепочка на ключицах и высокие шпильки. Когда я смотрю в зеркало, на меня глядит настоящая Соня. Не та, что дрожала в руках Стаса, а та, о которой Тима сказал: «Самая замечательная и красивая».

Клуб встречает нас плотным битом, который чувствуешь кожей. Очередь на входе огромная, но стоит нам подойти, как охранник — один из тех, кто был днём у дома — кивает нам и открывает ограждение.

— Добрый вечер, дамы. Вас ждут.

Внутри — полумрак, прорезаемый неоновыми лучами, запах дорогого парфюма и ледяного джина. Нас проводят к VIP-столику на втором ярусе, откуда весь танцпол как на ладони. Я ищу глазами его. И нахожу почти сразу.

Тимофей стоит у барной стойки вполоборота к нам. На нём тёмная рубашка с расстёгнутой верхней пуговицей. Он о чём-то говорит с барменом. Словно почувствовав мой взгляд, резко оборачивается.

Его глаза темнеют, когда он видит меня в этом красном шёлке. Рассечённая губа чуть дёргается в той самой, уже знакомой мне улыбке. Он не подходит сразу, даёт мне возмож-

ность привыкнуть, почувствовать себя хозяйкой положения.
Кожей ощущаю: это охота. Но теперь не только я добыча...

Глава 9. Девочки в отрыве

Соня

Чувствую себя принцессой под софитами. В компании таких подруг-красоток наше появление — это не просто вход, это фурор! Особенно когда нас встречает лично Тимофей Кармазин.

— Привет, — говорит он, подходя к нам. Рот здоровается со всеми, а глаза едят только меня. Затем он нехотя переключает «радар» на Юлю и коротко чеканит:

— С днём рождения, Юлия! Сегодня всё для именинницы и её свиты — за счёт заведения.

И снова прицел на меня:

— Вас ждёт уютная зона на втором этаже.

Он делает едва заметный жест, и рядом с нами материализуется парень, готовый служить проводником в мир лакшери. Тимофей наклоняется к самому моему уху. От этого манёвра мой пульс уходит в отрыв, а по спине проносится обжигающее цунами...

— Соня, отдыхайте. Наслаждайся вечером, малышка. Всё

под моим контролем.

Его шёпот вибрирует где-то под кожей, а девчонки уже вовсю тянут меня наверх, в ложу для избранных.

Хотелось бы напустить пафоса и сказать, что шампанское у нас лилось рекой, но это явно сценарий не для нашей банды «ЗОЖ и немножко ПП». Мы в шале-то один бокал на четверых еле осилили. Так что местное коллекционное игристое стоит в ведёрке чисто для антуража и красивых селфи.

У нас всё сложно: Маринка на жёсткой спортивной сушке, её хлебом не корми... В прямом смысле хлебом не корми и алкоголем не папайвай. Дузлит воду со льдом, хотя и этого ей, по-хорошему, после девяти нельзя. Злата — адепт «святого шпината», для неё алкоголь — это яд в чистом виде. Юлька за два года учёбы посмотрелась на пациентов в белой горячке и под «веществами» так, что теперь её максимум — это вишнёвый сок.

Ну а мне пить вообще противопоказано. Раньше — из-за контроля Стаса, а теперь — из-за чёткого понимания: алкоголь превращает меня в стихийное бедствие. Язык как помело, а сама я становлюсь опасно падка на подвиги. Мне в изменённом состоянии жизненно важно либо станцевать на столе, либо выиграть все конкурсы в радиусе километра. В общем, тянет в эпицентр внимания со страшной силой.

Так что наш «кутеж» — это безалкогольные коктейли, соки и гора «правильных» вкусняшек: фрукты, элитные сыры и, конечно, именинный торт с огромным фейерверком, ко-

торый сияет ярче, чем мои надежды на спокойный вечер.

Обидно только, что этот торт будем уничтожать мы с Юлькой: наши «праведницы» после одиннадцати вообще отказываются что-либо жевать и переходят на святую воду.

А Маринка даже в воде себе отказывает и тянет Злату на танцпол. И не потому, что девочка так уж любит танцевать. Хотя в своих кожаных штанах и топе из пайеток, чуть прикрывающих грудь и оголяющих почти всю спину, она такая красотка, что в танце на неё слюнями капают все мужчины этого заведения. Просто танец для неё — это физнагрузка, которая заставит «выдать» тот литр воды, что она уже успела выпить.

Мы с Юлькой тоже периодически спускаемся на танцпол или пританцовываем прямо на втором этаже, глядя на толпу внизу. Я ловлю на себе взгляды со всех сторон, но меня заботит лишь одна пара глаз. Тима...

Я только сейчас его разглядела.

Очень красивый мужчина. И — как же бесит! — не одна я это отмечаю.

К нему то и дело подходят какие-то красотки. Он с ними мил, но они явно претендуют на большее. Паре девиц он даже бегло отвечает поцелуем в щеку. Почему-то это меня злит. И я уже порываюсь спуститься к нему и проделать эдакое, чтобы всё же пригвоздить его внимание к себе...

Граммулька безрассудства во мне сегодня есть, но Тимофей пропадает с радаров...

Блин!

Юлька замечает мой поникший вид.

— Что, принц на своём скакуне усвистал, а принцессу забыл? — хохочет она. А я куксюсь. — Ничего, Сонька. Может, и к лучшему? Проветри мозги, прежде чем снова нырять во что-то серьёзное!

— Я не собиралась нырять. Так... побродить. Направо... Налево...

— Фу-фу-фу... Ты сколько хряпнула сегодня?

— Два глоточка шампанского ещё в шале...

— Ой, бля! Уносите её! — хохочет Юлька.

— Но мне кажется, последняя «Пина Колада» тоже была с алкоголем...

— Ну-ка... — Юлька берёт мой бокал, принюхивается и пробует на язык. — Ой-вей! Ну всё! Летящей крыше «пока-пока»... Прячьте Тиму, Сонька пошла прорывать плотину!

— Мама... — мой голос дрожит. Пока я не чувствую действия, но обычно после «отрыва чеки» проходит немного времени. Так ведь?.. И как назло, время на исходе, увезти меня уже не успеют, а змей-искуситель (вернее, «спаситель») идёт к нам, широко улыбаясь...

— Какой он классный, — мурлычу я. Юлька, роняя голову

на диванчик, ноет:

— Ну всё, мы её не удержим... Покутили. Сонька, на тебе хоть бельё красивое? — шутит Юлька, а меня уже «освободило» и несёт. Я наклоняюсь к ней близко и шепчу:

— На мне самые блядские красные трусы!

Юлька ржёт, понимая, что я готова. Во всех смыслах готова. Выносите! Или запирайте мужиков!

Тимофей подходит к нам. Кивает Юле, а мне протягивает руку. Что? Зачем? Юлька подпихивает меня в бок и одними губами произносит: «Не тупи! Танец!»

Я смыкаю наши руки, и меня простреливает его жаром. Он притягивает меня к себе и, обняв за талию, ведёт вниз по лестнице на танцпол. И правда, играет какая-то охрененно длинная и красивая медленная композиция. Мы, обняв друг друга, танцуем, но мне кажется, что мы вообще не двигаемся. Только наши ароматы смешиваются, а тепло его рук на моей талии и спине баюкает меня, как на волнах.

Тима мне что-то говорит, спрашивает... Я отвечаю — надеюсь, впопад, — а на самом деле в мозгу пульсирует только одна мысль: «Мне так хорошо с тобой».

Тимофей

Весь вечер не могу оторвать глаз от их локации. Правиль-

ные девочки: никакого кальяна, алкоголя... Даже не едят почти ничего. Заказывают фрукты, сыры и всё безалкогольное, что есть в меню. Я распоряжаюсь насчёт торта — пусть хоть он создаст настроение. Если не сам вкус, то бенгальские огни, что в нём горят.

Соня... такая...

Не могу перестать смотреть на неё. Красавица. Это её красное платье, шпильки... Она точно создана для того, чтобы сводить мужиков с ума. Вот и Стасу мозг вынесло. Но я — следующий в очереди, причём по доброй воле. А за мной — не занимать!

Не могу больше терпеть, иду к ней. Буду делать первые шаги. Но она такая малышка ещё... Да и после инцидента с этим мужланом с ней надо очень аккуратно, чтобы не навредить.

Приглашаю её на танец. Чувствую лёгкий запах алкоголя. Когда успела? Они же не пили ничего... Слышу, как в соседней ложе девицы возмущаются, что им принесли не те напитки. Ясно. Перепутали.

Идём на танцпол.

Она такая нежная. Хрупкая талия... Мои ладони скользят по красному атласу её платья. Не могу не кайфовать от её упругого тела под этой шёлковой тряпочкой. От аромата ванили и немного пряной вишни меня качает — так бы и ды-

шал ею вечно. Мелодию улавливаю интуитивно, веду её в танце...

— Сонь, как ты себя чувствуешь? Нормально?

Она только ближе льнёт ко мне. А я и не против, но это пытка — знать, что любое продолжение вечера с этой девочкой под запретом.

— Мне так хорошо с тобой... — буквально мурлычет она.

А мой верный «друг» уже танцует её тембру и дыханию в такт. Кармазин, тормози! Но я, как мазохист, лечу на красные сигналы, которые она посылает. То бретелька соскользнёт с плеча, то с губ сорвётся тихий стон.

— Сонь, может, я отвезу тебя домой? Тебе, кажется, совсем противопоказан алкоголь.

Она прижимается ещё теснее, и её губы сладко шепчут мне на ухо:

— Мне так хорошо с тобой...

Знала бы ты, девочка, насколько хорошо мне! Но я понимаю, что сейчас это говорит не совсем она — её явно «кружит». Соня такая мягкая и податливая в моих руках, что мне становится страшно за финал этого вечера. Я-то смогу сдержаться. Смогу же? На худой конец, подруги, «растущие из плеч», подсобят — выдюжу. Но если она в таком состоянии случайно на кого-то другого нарвётся? Нет уж... Надо увозить девочку отсюда.

Делаю знак распорядителю. Машу Юле. Она кивает голо-

вой.

Вывожу эту «чудесную» на парковку. Прохладный ночной воздух должен хоть немного привести её в чувство, но, кажется, эффект прямо противоположный: Соня окончательно расслабляется.

В салоне моей машины воцаряется тишина, нарушаемая только её прерывистым дыханием и шуршанием шёлка.

Я пристёгиваю её, стараясь не касаться кожей кожи, но это невыполнимый квест. Она подаётся вперёд, ловя мои пальцы своими. Я чуть отстраняюсь. Кладу ее руки ей на колени.

Сажусь за руль. Давлю на газ. Стараюсь сфокусироваться на дороге, выходит плохо...

— Тим... а ты всегда такой правильный? — её голос звучит с хрипотцой, от которой у меня внизу всё сворачивается в тугой узел.

— Стараюсь, Сонь. Ради твоего же блага.

— А я не хочу «блага»... — шепчет она и вдруг отстёгивается и буквально перемахнув через центральную консоль, оказывается непозволительно близко.

Она закидывает руки мне на шею, прижимаясь всем телом. Тонкие бретельки платья опасно сползают, открывая вид, от которого у меня — просто сносит крышу.

— Сонь, сядь на место — рычу я, пытаюсь сохранить

остатки самообладания.

— Значит, это будет самая красивая авария в моей жизни, — мурлычет она мне в самые губы. — Тим, ты же обещал, что всё под контролем... Так возьми его. Контроль.

Она начинает медленно покрывать мою шею поцелуями, то и дело задевая зубами кожу прямо над воротником рубашки. Мои пальцы сами собой впиваются в руль так, что кожа на костяшках белеет. Я чувствую, как её ладонь скользит по моей груди вниз...

— Соня, прекрати, — мой голос звучит как предупредительный рык хищника. — Я не железный. Если я сейчас не остановлюсь, завтра ты мне этого не простишь.

— Прощу... — выдыхает она, и я чувствую, как её коленка в этом чертовом разрезе платья упирается мне в бедро.

Всё. Предохранители горят один за другим. Я бью по тормозам и сворачиваю на обочину, в тень густых деревьев. Глушу мотор. В наступившей тишине слышно только, как бешено колотится моё сердце. Откидываю свой ремень. Поворачиваюсь к ней, перехватываю её запястья и прижимаю к спинке сиденья.

— Ты хоть понимаешь, что ты сейчас делаешь, малышка? — мой голос глухо вибрирует.

Она смотрит на меня затуманенным взглядом, облизывает губы и шепчет то, что окончательно выбивает почву у меня из-под ног:

— Кажется, я проверяю, насколько прочна твоя броня, Кармазин... И мне кажется, она дала трещину...

Глава 10. Само собой

Тимофей

Как же меня к ней тянет. Я никогда ещё не жаловался на отсутствие «аппетита». Да, иногда он приходил во время «еды», но сейчас... Одного взгляда на её раскрасневшиеся щёчки, чуть смазанную тушь и полуоткрытые губки достаточно — меня коротит, как оголённый провод.

Но её трогать нельзя!

Этот «чистый секс» трогать нельзя!

Внутренне я стону и матерюсь. Твою мать, Кармазин, как сдержаться? Когда она такая — рядом, и сама напрашивается на всё...

Сворачиваю на обочину.

Любую другую — просто взять и трахнуть. Пошло, грязно...

Но с ней нельзя. Табу. Аккуратно убираю её руки со своей шеи.

— Сонь... — голос предательски хрипит, понижаясь на несколько октав. — Девочка, подожди... подожди, моя хорошая. Я сейчас.

Буквально выталкиваю себя за шкуру из машины.

Свежий ночной воздух должен хоть немного привести в

чувства.

Мне нужно понять, как разрулить этот маленький пиздец. Чтобы и «конфетку съесть», и ей на мой хер сейчас не сесть. Потому что она не в себе. Чуть пьяна, расстроена... и этот абьюзер её грёбанный. Я буду не лучше него, если сейчас воспользуюсь положением.

Я, конечно, то ещё похотливое животное, но у меня есть мозги и совесть. Есть же?

Минуты три — и становится чуть легче.

Дыхание выравнивается, похоть уже не так долбит по мозгам. Хер стоит колом, но уже не бьёт по всем болевым точкам. Чуть отпускает.

Курю...

Возвращаюсь в машину. И — аллилуйя! Я никогда так не радовался тому, что девушка уснула. Кому расскажи — не поверят. Я бы и сам не поверил.

Но она спит, а значит, высшие силы сами разрулили этот надвигающийся на нас пипец.

Ничего не сломалось, не повредилось, можно и дальше играть в эту игру. Но только с одним условием: Сонька в ближайшее время не пьёт. А если в неё и попадает алкоголь, то только при мне.

Выезжаю с обочины со своей малышкой — уже не буйной, страстной и по-настоящему опасной, а нежным котёнком, который мирно спит, посапывает и причмокивает своими сладкими губками...

Не смотри, Кармазин, опять разгоришься, а тушить только под душем — одиноко и пошленько...

По дороге принимаю решение, что лучше забрать её к себе. В их шале пока никого, подружки её ещё в клубе, а сама она сейчас ни с чем не справится. Или это только отговорки, Кармазин, да?

Вношу её на руках в свой дом.

Сёма сонно шагает мне навстречу и, видя меня с кем-то на руках, только перебирает лапами, топчась на месте. Чуть поскуливает, но не лает и не несётся с обнимашками. Я его хвалю:

— Сёма, умница, сидеть. Это наша гостья, Соня. Её нельзя будить. А то нам обоим будет хана, мне так точно.

Несу Соньку наверх в спальню, но почему-то ноги несут не в гостевую, а к себе. Когда укладываю её на кровать, до меня доходит:

— Да, Соня, ты первая девочка, которая будет спать на этой кровати.

Сёма семенил за мной и, подойдя к постели, нюхает руку Сони, даже лижет. Чего я за ним вообще никогда не замечал. Всех баб, что у меня здесь перебивали, мой верный пёс встречал с недовольством или терпением, грустным взглядом на хозяина или диким лаем-выговором — мол, кого ты притащил, дурачье? А тут такая нежность. Лёг рядом на ков-

рик и сторожит. Ого!

А принцесса и не знает, что в этом доме у неё не один, а целых два поклонника.

Глажу Сёму и всё же зову его вниз. Мне нужно кофе и подумать. Сёме – вкусняшка за хорошее поведение. Накрываю девочку пледом, и мы уходим...

На кухне включаю кофемашину. Псу даю паёк его любимого лакомства в виде двух колбас. Все счастливы!

Звонит телефон. Кто в такой час? Слава, начальник безопасности:

— Да, Слав.

— Этот твой гость из Москвы нам тут пиздеца натворил. Он девкам в доме окна побил, чуть пожар не устроил. Мои его скрутили.

— Когда успел-то?

— Да вот минут десять как привезли.

Ну что за придурок. Хорошо, что я Соню к себе увёз. Кошмар бы был, если бы её в их шале оставил.

— Пьяный?

— В говно!

— Подержите там его у себя где-нибудь, не трогайте только. Пусть поспит. Утром поговорим. В полицию не сообщай. Но внутренние документы оформи как нужно. Мало ли. Остальное я решу.

Звоню на ресепшен, прошу пойти проверить дом и оценить масштаб бедствия. Если совсем плохо — подобрать другой вариант размещения. Подруги Соньки ещё не приехали, и лучше понять что и как до их появления. Принять меры.

— Ну вот и отдохнули, да, Сёма?!

Через время ребята отзваниваются: разбито два окна на первом этаже. Завтра заменят. Всё убрали. Ждут клиентов, чтобы согласовать размещение, но, скорее всего, девушки никуда не захотят переезжать. Окна выходят на задний двор. Видимо, метил в окно Соньки — спальни на втором этаже, но камушек не долетел, силушки не хватило. Вот пиндюк этот, хоть чутка, но подговнил. Температуру в доме поддерживают. Так что...

На часах три. Сил нет, но тело гудит от адреналина. Надо в душ и спать — завтра предстоит тяжёлый разговор со Станиславом-«великодушным».

Захожу к себе в спальню и замираю. Воздух здесь теперь другой: пахнет её духами, чем-то молочным и ванильным, и едва уловимым ароматом игристого. Соня... Она разметалась по кровати, сбросив плед.

Платье, больше похожее на полоску жидкого шёлка на тоненьких ниточках, задралось, открывая моим глазам слишком много. Её стройные ножки на фоне тёмно-синего атласа кажутся светящимися, фарфоровыми. Тонкие щиколотки, изящный подъём стопы, аккуратные пальчики с нежным педикюром. Красивая — до боли в скулах.

Копна светлых волос рассыпалась по подушке сияющим «нимбом». Я не выдерживаю и, присев на край, почти не касаясь, провожу кончиками пальцев по её икре. Кожа гладкая, чуть прохладная, бархатистая, от этого простого контакта меня прошибает током до самого «основания»... Хочется зарыться лицом в этот шёлк волос, ощутить изгибы её тела в своих руках, но я лишь сглатываю...

— Стасян, спасибо тебе за то, что ты оказался таким дебилом... — шепчу я в пустоту спальни, не сводя с неё глаз. — Профукать такую малышку — это надо талант иметь. Но я не откажусь...

Ухожу в душ. Ледяная вода — мой единственный союзник этой ночью. Пусть она спит. В моей постели, под защитой моего пса и моих стен. А завтра... завтра будет новый раунд.

Просыпаюсь от странного ощущения взгляда. Открываю один глаз, пытаюсь поймать фокус. Соня сидит на кровати, сложив руки под грудью. Что-то там говорит, а мой мозг вообще не строит связи... Залипаю на её грудь, ещё более приподнятую и выразительную под давлением сомкнутых рук... Этот вид пошатывает мои «фундаментальные основы». Ле-

жать на животе, тараня матрас, становится неприятно — поворачиваюсь на бок. Сонька стучает меня кулачком в бицепс, словно птичка села, но её дерзкий взгляд быстро приводит меня в чувства.

— Привет, — сиплю я.

— Где я и почему ты здесь? Что вообще было?

Девочку несёт. По опыту знаю: если лавина пошла, лучше не трогать, а отойти, иначе всё разрушит. Даю ей время «попылить».

— Я тебя спрашиваю! Что здесь произошло? Мы... Мы, мы, мы...

— Невиновны!

— Как? Совсем?

Не могу понять: она рада или расстроена?! Но её непосредственность заставляет меня улыбаться. Надо уточнить, на каком моменте её мозг отключился и «вахту» осталась нести только лимбическая система...

— Сонь, что ты помнишь из вчерашнего вечера? Последнее...

Она задирает голову к потолку, пытаясь заглянуть в собственные чертоги разума.

— Я помню, что мы вышли из клуба на улицу и вроде бы были в машине... И всё. Провал. Ты говоришь — невинов-

ны? Я ничего не натворила?

Какой правильный ответ для этой крошки? Рассказать всё — убежит...

— Сонь, ты ничего не творила. Уснула у меня в машине. Чтобы тебя не будить и не оставлять одну — твои подружки остались в клубе, — я завез тебя к себе. Ты просто продолжила спать.

— Точно?

— Абсолютно.

Я медленно сажусь в постели, не заботясь о том, что на мне только боксёры. Одеяло сползает, и я вижу, как её взгляд невольно проходит по моим плечам, задерживаясь на прессе. 1:1, детка.

— Но если хочешь, мы можем это исправить прямо сейчас, — мой голос звучит тише, с вкрадчивой хрипотцой. — Раз уж ты так переживаешь, что мы что-то упустили.

Соня вспыхивает до самых корней волос. Она хочет что-то возразить, но я подаюсь вперёд, вторгаясь в её личное пространство. Между нашими губами — считанные сантиметры. Я чувствую тепло её кожи и то, как участилось её дыхание.

— Кармазин, ты... ты невозможный! — выдыхает она, пытаясь отстраниться, но её руки всё ещё упираются в мои плечи.

— Я просто честный, Сонь. И сейчас я честно хочу предложить тебе две вещи: душ и кофе. Но если будешь так на меня смотреть... число действующих лиц в душе может резко возрасти до двух...

Она пулей соскакивает с кровати, едва не запутавшись в собственных ногах, и скрывается за дверью ванной. Я откидываюсь на подушки, тяжело дыша.

— Чёрт, Кармазин, — шепчу я, глядя в потолок. — Ещё один такой утренний допрос, и я сам поверю в то, что мы «виновны» по всем статьям.

Глава 11. Утренний настрой

Соня

Улепётываю от него в душ, и только под струями прохладной воды прихожу в себя.

Вот ты какое, «желание»! Мне одного его горячего дыхания на губах хватило для раскочки сознания и влажности в трусах. Со Стасом я в прямом смысле была «деревянная» и «сухая»... И не в стараниях дело, если мужчина не тот.

Теперь я начинаю понимать...

Если одно приближение этого Аполлона так меня расплавило, то что будет, когда... Ух! Соня, похотливая девочка...

— Размечталась, Соня! Где Кармазин и где ты? — шепчу я своему отражению в запотевшем зеркале. — Я девятнадцатилетняя соплюха, а он — мужчина с охренительным бэкграундом. У него наверняка есть либо жена, либо постоянная девушка. Такие экземпляры в «свободном выгуле» долго не задерживаются.

Тщательно смываю с себя остатки вчерашнего вечера, но ощущение его взгляда на груди, кажется, впиталось прямо в кожу. Выхожу из душевой кабины, кутаясь в огромное, пахнущее его парфюмом полотенце, и замираю. На банкетке аккуратной стопкой лежат белая футболка, спортивные корот-

кие шорты и новые белые носки. Это для меня?

Заботушка...

Переодеваюсь во все «не моё», но уже какое-то родное. Выхожу из ванной и снова замираю в дверях. Аполлон после душа — с капельками влаги на шикарном мускулистом торсе, в одних боксерах — стоит напротив шкафа-купе и достаёт футболку. Тоже белую, как и та, что он дал мне. Не глядя в мою сторону, он одним рывком облачается в неё и только потом замечает моё присутствие, расплываясь в улыбке.

— Тебе идёт. Носочки не жмут? Что-то высокоовато натянула... — посмеивается он.

— Это потому, что у кого-то сорок пятый, а у меня тридцать шестой...

— Учту, куплю в запас.

— Зачем такая расточительность? Для одного раза сойдут и гольфы...

— Уверен, что ты здесь не в последний раз.

— Зовёшь погостить?

— Можешь вообще не уезжать...

— И под каким номером я в очереди на «не уезжать»? — Мысленно даю себе по лбу: «Дура, Соня, замолчи уже!». Строю из себя женщину-вампи, а сама в жизни ничего толком не видела... Женщина-вамп без опыта или с опытом абьюзивных отношений — такое себе...

Тимофей смотрит прямо, не отводя глаз, и в этом взгляде столько спокойной уверенности, что моё напускное кокетство рассыпается в прах.

— Единственная, — отрезает он.

— Верится с трудом...

— Верю — не верю... Пошли завтракать и пить кофе.

Иду за ним на кухню. Его дом прекрасен: всё натуральных оттенков. Сочетание светлого дерева, оливкового и слоновой кости. Красота.

Конечно, пьянь! Когда ты это могла разглядеть, если тебя сюда приволокли в бессознанке?

Кухня просторная, залитая светом и удивительно уютная. Матовые оливковые фасады шкафов и столешница из светлого дуба. В центре — массивный кухонный остров, а у окна — белый обеденный стол с соломенными салфетками грубого плетения. В воздухе пахнет деревом и кофе. Интерьер такой же, как и его хозяин: натуральный и безупречный.

Тимофей безмолвно приглашает меня к столу, выдвигая стул. Сервирует сам. Наверяд ли готовил он — скорее, доставка из ресторана. Хотя я легко могу представить его на этой

кухне с ножом в руках, например, строгая салат...

— Сонь, кофе или чай? — его голос выхватывает меня из мыслей.

— Чай...

— Ты же любишь кофе! — удивленно парирует он.

— Откуда ты знаешь?

— Ты говорила об этом в самолете. Я сидел за тобой и слышал многое из того, что вы обсуждали с подругой.

Мои щеки вспыхивают огнем. Блин, мы же там такое обсуждали...

— Не стоит стесняться, я не разберу это на цитаты и никому не расскажу, — произносит он чуть слышно, слегка склоняясь ко мне. Его дыхание вновь касается моих губ, и в горле пересыхает. Невольно сглатываю.

— Спасибо... — голос немного дрожит, но я справляюсь.
— Тогда кофе.

— Ты любишь сладкое. Я заказал на выбор, но, думаю, тебе стоит съесть что-то существенное. Уверен, вчера ты не ужинала, поэтому алкоголь так подействовал.

Блин, так и знала! Он явно что-то не договаривает, я точ-

но творила дичь.

— Я вообще не пью. Мне и пары глотков шампанского хватает, и дело не в еде...

— Хорошо. Но больше не стоит, раз спиртное на тебя так влияет.

— Угу.

Тимофей предлагает мне то же, что заказал себе. Убойный по калориям, но такой любимый завтрак: омлет с жареным беконом, тосты, сыр... Рай. Я точно попала в рай. И никто не читает нотации, я просто наслаждаюсь. А Тима лишь комментирует:

— Совсем этот «пиперон» тебя голодом морил...

— Ну что ты. Когда ему что-то было нужно, он кормил на убой... Ой, прости. Мне не стоит так говорить.

— Со мной ты можешь говорить о чем и о ком угодно.

Дальше мы завтракаем молча. На кухню вальяжно заходит огромный пёс, и я тушуюсь. Тима бросает ему:

— О, добро пожаловать, Семён. Есть будешь?

Собака отвечает по-своему — коротким глухим лаем.

Тим кормит его, выставив миску рядом с нашим столом. Семё с наслаждением ест, а закончив, ложится прямо у моих

ног. Не могу сдержаться и наклоняюсь, чтобы почесать его за ухом. Тот ластится, словно огромный кот.

— Он обычно не так душевно принимает гостей. Но ты ему явно приглянулась.

— Собаки чувствуют хороших людей. А я хороший человек, — выбалтываю я нескромную правду.

Меня и правда любит вся живность. Дедушкин зверинец меня всегда обожал: от кота Вениамина до собаки Катерины... Странные имена — это по дедушкиной части. Хотя с Кармазиным они бы точно поняли друг друга. «Сёма» для собаки — тоже странное имя. Но я пока не решаюсь спросить, что вдохновило его так назвать пса.

— Я уже понял, что ты хорошая девочка.

Звучит довольно-таки двусмысленно. Чтобы сгладить эффект от моих взлетевших вверх бровей, Тимофей добавляет:

— И Сёма, видимо, тоже это почувствовал.

Мы снова молчим. Я впитываю аромат потрясающего кофе со сливками и кайфую от шоколадного торта. Ммм...

— За такой десерт я душу готова продать!

Тимофей посмеивается:

— Жаль, что я не дьявол. Так что можешь пока оставить её себе. Если захочешь десерт — просто скажи. Никакого контракта, подписанного кровью, не потребуется...

Не могу сдержаться. Мысль уже пошла, и язык не остановить:

— Тим, а почему я здесь?

— Я хотел увезти тебя из клуба, потому что ты точно не смогла бы там больше находиться. Ты уснула в машине, и я привёз тебя сюда. Не хотел будить и заставлять саму в таком состоянии искать кровать.

— Спасибо за заботу.

— Хорошо, что привез. Пока твои подруги были в клубе, Стас устроил диверсию с разбитыми стёклами в вашем шале.

— Ой...

Мне одновременно и стыдно — будто это я колотила стёкла, — и в то же время я благодарна Тиме за то, что меня там не оказалось. Страшно подумать, чем всё могло закончиться. В гневе Стас неуправляем.

— Хорошо, что ты не попалась ему под руку, — Тима берёт меня за руку. Но как-то правильно, без подтекста, выражая участие и поддержку. На автомате отмечаю, что его ладонь тёплая, сухая и очень приятная. — Сонь, тебе нужно заканчивать эти отношения. Он плохой парень для тебя.

— Я знаю. Я пытаюсь... Я вернула ему кольцо.

— Ты же понимаешь, что он так просто не отпустит?

— Понимаю.

— Не сдавайся, малышка.

Он отпускает мою руку и мне становится как-то холодно без него.

С завтраком покончено, и я хочу помочь с уборкой. Тима удивлённо вскидывает брови.

— Если хочешь здесь похозяйничать — пожалуйста. Мне будет только приятно.

Я убираю посуду со стола, ополаскиваю её и ставлю в посудомойку. Тима сидит и наблюдает.

— Ты подходишь этому месту...

— Ты шовинист? Место женщины на кухне? — Пытаюсь шутить я, но выходит скверно. Хотя он и ухмыляется.

— Нет. Я просто люблю в женщине женщину. Ты естественна в своём амплуа: от роковой богини до хозяйюшки. Офигительное комбо.

Щёки предательски горят. Я оставляю эти слова без комментария, хотя и не уверена, что это был просто комплимент.

— Как мне добраться в таком виде до дома? — Показываю я на свой не очень презентабельный для прогулок вид.

— Я подвезу. А ты уже хочешь уехать?

— У тебя, наверное, полно дел?

— Дела есть, да... Но ты можешь остаться здесь. Сёма в восторге от тебя.

Он кивает на пса, который от одного моего обращения к нему укладывается почти на спину, будто прося почесать пузо. Его что, растили коты? Не могу устоять и выполняю «просьбу» этого милого собакена, вызывая минуту умиления у всех присутствующих. Кайфую сама. Считаваю улыбку на губах Тимы, а Сёма... Ему вообще прекрасно!

— Он классный парень, но я не хочу напрягать его хозяйина.

— Сонь... Не нужно думать о других больше, чем о себе. Делай, как тебе хочется. Мне твоя компания приятна...

— Почему? — ляпаю я.

— Ещё не понял настолько, чтобы объяснить. Просто так чувствую.

— Я бы поехала...

— Хорошо.

— А где мои вещи?

— Сумочка на столике в холле. Платье и бельё в стирке, но как высохнет — я перешлю.

— Да уж, посылка с трусами — это как раз то, что заставит меня краснеть перед подругами... И перед тобой.

— Сонь, ты, может, будешь удивлена, но за мои тридцать два года твои трусики — далеко не первые, что были в моих руках...

— Это как раз то, что «мечтают» услышать девушки! — парирую я и тут же краснею как свёкла. Ну почему я не могу вовремя прикусить язык? Стыдоба, Соня!

— Мне кажется, было бы хуже, если бы я сказал: «Сонюшка, в свои тридцать два я впервые прикасаюсь к женскому белью».

— Звучит как фраза извращенца.

— Ну, я же не он. Так что говорю, как есть... Для меня это не проблема, но можем и оставить здесь — будет «сменка».

— Ты явно настроен на то, что я здесь не в последний раз! — «Заткнись, Соня, просто молчи!» — кричу я самой себе.

В глазах Кармазина пляшут смешинки. Он смотрит на меня сверху вниз и едва заметно закусывает губу, сдерживая

улыбку.

— Определенно, Сонечка. Очень определенно настроен...

Глава 12. «Покрутить»

Соня

Тимофей привозит меня к шале около десяти утра.

Видок, Софья Александровна, у вас, конечно, тот ещё, — усмехаюсь я сама себе, но в его вещах мне удивительно уютно.

Мы прощаемся быстро. Он берёт мою руку и, едва ошутимо, целует в раскрытую ладонь... Мгновение — и я будто взлетаю. А затем — действительно «лечу»... от него, от бешеного стука сердца и желаний, в которых пока боюсь признаться даже себе.

Пора приземляться.

Это я здесь «курортница», а Тима — «хозяин гор». Да и вопрос со Стасом всё ещё висит в воздухе.

Внутри — хаос. Сонная Злата в патчах неспешно пьёт кофе. Юлька мечется по комнате, кажется, отыскивая «пятый угол», чтобы загнать меня туда и выпороть за нарушение дисциплины.

— Сонька! Ты чего так долго? Я уже Кармазину звонить собралась!

Злата лениво подаёт голос:

— Отстань от девочки. У неё была шикарная ночь с таким парнем! Дай ей вдохнуть свободы. Один олень её контролировал, теперь ты в «мамочку» играешь...

— Злат, никакой «ночи» не было, — парирую я. — Я просто уснула в машине. Юль, прости, телефон сел.

Юлька обнимает меня, и я наконец выдыхаю.

— Да что ты, я же не из-за Кармазина! Ему я как раз верю. Есть в нём что-то правильное, настоящее, мужское... — Юлька всплеснула руками. — Я из-за этого Стаса переживала. Он же вчера тут такой дебош устроил! Как подумаю, что это тебя могло зацепить... Этот «с забобонами» ведь не только окно разбил, но и заднюю дверь в районе замка курочил. Явно зайти хотел. А если бы здесь была ты?! Поддатенькая и безвольная, как тряпочка. Даже подумать страшно!

После описания Юльки мне и самой становится жутко. Холодок бежит по коже.

— Мне Тимофей сказал только про окна...

— Бережёт он тебя, — уверенно кивает подруга. — Я сразу всё поняла. Замок-то был отломан. Короче, если бы не охрана и не чуйка Кармазина, могла случиться беда. Надеюсь, твой спаситель ему и ручки укоротит, и ножки выровняет, чтобы тот больше кругами не ходил, а чесал в обратном направлении... на лыжах и в пи*ду!

В этот момент в дом влетает Маринка — покрасневшая, со сбившимся дыханием возвещая о своей победе:

— Восемнадцать километров! — и, дослушав Юлькин пассаж в сторону Стаса и его рук-ног, добавляет: — А хорошее начало дня, если уже в десять утра Юлька посылает кого-то быть причастным к женским гениталиям!

Нас прорывает на хохот. Я показываю нашей спортивной легенде палец вверх.

— О, загульная! Как ночка? Видок у тебя потрёпанный! — посмеивается эта «зараза», чей вечный ЗОЖ всегда заставляет меня комплексовать. — А у Кармазина есть вкус. Хороший бренд спортивных штанишек! — Она бесцеремонно треплет меня за край позаимствованных шорт. — Дашь поносить?

Злата тут же отправляет Маринке «обраточку»:

— Но-но-но... Это первый трофей Соньки! Мужика без трусов оставила. Не тронь! Они будут дороги как память!

Мы смеёмся, уже бухаясь все вместе на диван.

Всё же круто иметь таких подруг!

День проходит в девичьих радостях и шалостях.

Сначала мы тусуемся в спа-зоне отеля, затем гуляем по лесному массиву, любуясь просыпающейся природой, горами и пронзительно-голубым небом. К вечеру перемещаемся в лаундж нашего шале — туда, где есть камин, огромный диван, лежаки и даже плетёный гамак. Ужинаем морепродуктами и фруктами.

Кармазин присылает нам, девчонкам, цветы и шоколад. Джентльменский набор?

Надеюсь, что это не только извинение за неудобства с разбитыми и уже поменянными стёклами, но и знак внимания... Где-то на задворках сознания мне очень хочется, чтобы этот жест значил нечто большее, чем просто вежливость и хорошие манеры, но... я не даю мыслям воли и не развиваю их. Уезжать через день. Да и наврали мы...

— Сонька, что-то ты притихла. Скучаешь по своему горному королю? — начинает Маринка.

— По кому?

— По Кармазину!

— Он не мой... — говорю я, но поникший голос меня выдаёт.

Злата, потягивая мятный лимонад в гамаке, парирует:

— Он больше твой, чем наш... Ты знакома с его домом, спала в его кровати, и даже его пёс дал почесать тебе своё пузо. А самое главное — ты не только видела его в трусах, — Злата переходит на заговорщический шёпот, — но даже носила его трусы! Это ли не близость?

Мы опять прыскаем от смеха.

Юлька встаёт на мою сторону:

— Отстаньте от девочки. Она ещё от одного с кольцом только отбрехала, а вы ей второго навешиваете. Дайте вздохнуть!

Злата не унимается. Она у нас по части кручения хвостов жеребцам — передовик. Не в плане, что многие побывали на её «американских горках», но в радиусе «френдзоны» всегда толпились желающие хотя бы «чашечки» покрутить.

— Клин клином — метод рабочий. Особенно когда тут такой «клин»!

Маринка ржёт:

— Ты на что намекаешь, пошлячка?

— Ну, там явно не мелкоштатный сотрудник! Ты видела в соцсетях, как за ним девки шеренгой ходят? Он очень, очень активный мужчина... А раз пользуется спросом, значит, есть что предложить...

Я краснею до кончиков волос, вспоминая его утром: одни боксеры на влажное тело. Мне и сейчас от одних воспоминаний становится жарко... Златка, глядя на меня, прищуривается:

— А ты, я смотрю, поплыла?

— Никуда я не поплыла, — пытаюсь держать лицо, но выходит сомнительно.

Девчонки начинают хохотать, но их смех прерывает стук в дверь...

Юлька тихо шепчет, будто нас могут услышать:

— Если это Стас, то ему звездец, я вызываю полицию!

Я хочу встать, но девочки мне не дают.

Маринка и Юлька идут смотреть сами...

Златку оставляют со мной, чтобы я не наделала дичи, бросаясь на помощь подругам, и не кинулась вновь на амбразуру. Я ведь могу, да...

Но через пару секунд они нам кричат:

— Выдыхайте! Горный король за принцессой прискакал. Почти на арабском скакуне!

Злата, склонившись ко мне, подмигивает и шепчет:

— Надень красивое бельё, вдруг захочешь позволить «чашечки покрутить»... — а сама давит улыбку.

— Иди ты со своими чашечками!

— Такими чашечками, как у тебя — три пишем, четыре в уме, — грех не покрутить... Пользуйся моментом!

Я уже иду к входу, придирчиво окидывая себя взглядом. Выгляжу неприлично сексапильно. Нежно-розовая шёлковая пижамка: шортики и маечка на бретельках, с кружевом на всех подчёркнуто вкусных местах. На этих «трусиках» по бокам — запах. Наверное, для рук «загребущих» очень удобно?! Такие мысли заставляют меня улыбаться, и я закусываю губу, пряча улыбку.

Для пижамной вечеринки с девчонками такой вид — в самый раз, а для мужчины, с которым... А что «с которым»? Для него это либо крышесносно, либо никак.

Выхожу в холл. Девчонки сразу сбегает.

Сейчас посмотрим, кто из нас потёк — Кармазин или мои мозги?

Я поднимаю взгляд, смотрю ему в глаза и понимаю — оба...

Ответ на мой главный вопрос — всё не зря!

Тима бросает на меня быстрый взгляд и тут же отводит глаза, закусывая губу и давя улыбку. Но не может справиться с собой. Набирает побольше воздуха в лёгкие и медленно выдыхает. Мне кажется, он даже немного краснеет. Потирает лоб и пытается прокашляться...

Что, Кармазин, в зобу дыханье спёрло?

А мне и самой не до смеха. Во рту — Сахара, в трусиках — океан...

Девчонки на заднем фоне хихикают, паразитки.

Нифига у меня не получилось сыграть женщину-вамп.

Подхожу к Тиме ближе, и он наконец решается посмотреть мне в глаза.

Его голос сел, и этот шёпот с хрипотцой отдаётся дрожью в каждом сантиметре моего тела:

— Сонька, ты очень... очень красивая девочка.

Не умею принимать комплименты, особенно такие искренние и от таких мужчин, поэтому сразу «сливаюсь»:

— Не думаю... Не настолько. — В глазах стоят фото Кармазина с шикарными девицами из соцсетей. Он тот ещё путешественник... не только по странам, но и по женским те-

лам.

Но Тима не сдаётся:

— Поверь. Ты безумно сексуальная, манящая и охрененно красивая... — Он снова шумно выдыхает. — Я аж забыл, зачем зашел... Тебя увидел — и всё, мыслей нет. Ни одной... Только рефлексy.

Он поднимает глаза к потолку, пытаюсь прийти в чувство, но нифига у него не выходит... Под стук моего сердца, сбившегося дыхания и дрожи во всем моём теле...

— Сонь, надо поговорить...

Дорогие читательницы, ставьте книге звёздочки! Вам не трудно, а автору очень приятно...

График выхода новых глав: понедельник, среда, пятница (иногда дополнительная глава в субботу, если "муз" в удаче)))

Мои законченные истории вас ждут

Игра на двоих (бесплатная история для знакомства с автором)

<https://litnet.com/shrt/GaQx>

ТАЯ ГА

Коэффициент страсти Генерального -
<https://litnet.com/shrt/Sf7B>

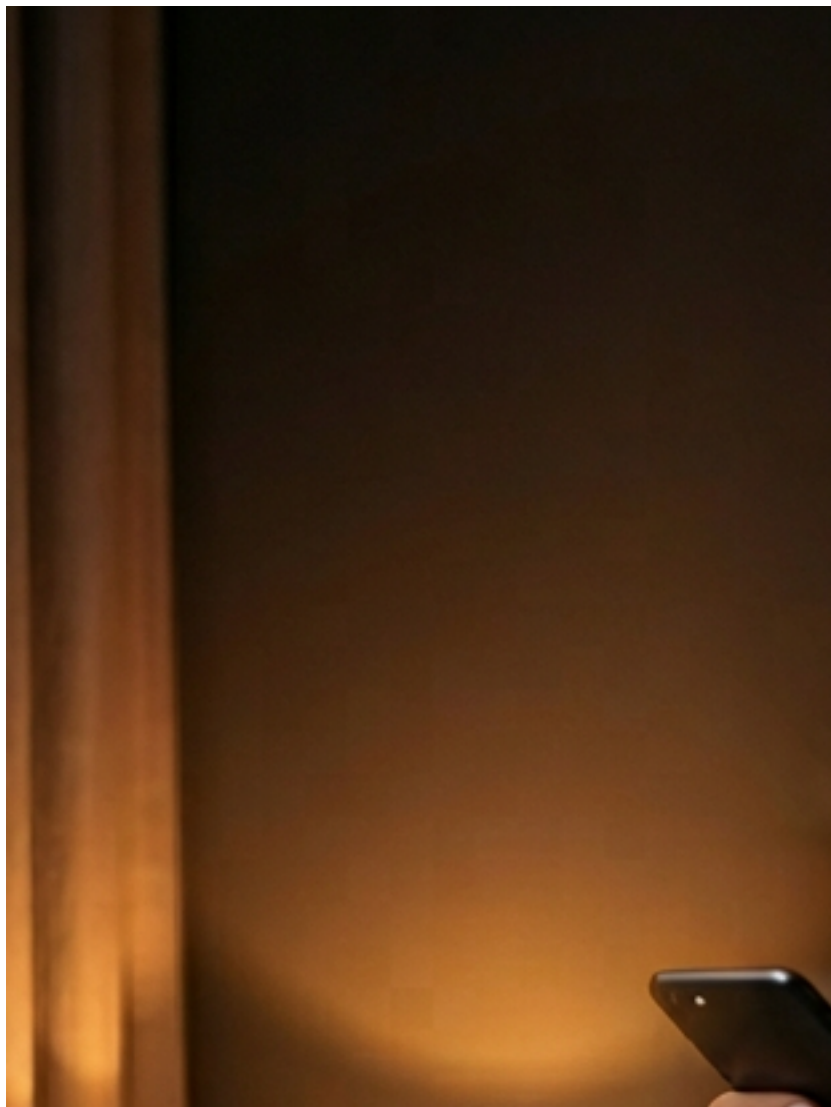

Архитектор (не) моей мечты (скоро финал)

<https://litnet.com/shrt/4ChD>

Непрерывная связь (скоро финал)

<https://litnet.com/shrt/VnE3>

СПОЙЛЕР

«...Это чистый секс!

Шрамы на плечах и спине теперь кажутся не уродством, а чертовски личной эстетикой. Некоторые похожи на тонкую паутинку, а ближе к пояснице — на диковинный «цветок». Плечи обрамлены итрихами, будто пробивающиеся перья... или отрезанные крылья падшего ангела.

Я не могу сдержать слез. Не только от увиденного, но и от того, что проживаю в этот момент.

Та авария — трагедия, которая не убила меня, но оставила знаки, сделавшие меня собой. И я, наконец, это принимаю.

Не хочу выходить из образа. Хочу принять его реакцию в том виде, в котором предстала на фото. Продлить ощущения, пережить их по полной.

Отправляю несколько кадров Александру с подписью: «Новая эстетика».

Сообщение мгновенно прочитано. Но адресат не торопится отвечать. Начинаю нервничать. Меня мандражит, тело бросает то в жар, то в холод. Кусаю губы и пытаюсь выровнять дыхание — не выходит... Замираю, когда вижу на экране, что он набирает текст:

— Ты очень красивая. Очень, Марин...»

ma la marea

Глава 13. Терапия Кармазина

Соня

Предлагаю пройти в гостиную, но Тимофей лишь медленно ведет головой из стороны в сторону. Его взгляд прикован к моему лицу, и это внимание ощущается почти физически — как легкое касание.

— Может, прокатимся? Здесь недалеко.

— Эм... — я теряюсь.

— Соня, нужно поговорить о твоём женихе и...

— Мне нужно переодеться, — перебиваю я, указывая на свой домашний вид.

Тима не отрываясь следит за моей рукой, которая плавно скользит в воздухе вдоль тела. Я вижу, как его кадык дергается. Он с трудом прокашливается и только коротко, глухо «угукает».

Поднимаюсь в комнату. Сердце чеканит ритм где-то в горле. Хочется выглядеть хорошо. На что-то шикарное времени нет, поэтому решаю не мудрить. Выбираю белые брюки из плотного шелка и к ним блузку с полностью открытыми

плечами. Шпильки — моё всё.

Финальные штрихи: алая помада, подчеркивающая бледность кожи, волосы тяжелыми волнами на одно плечо и облако моего любимого парфюма. Глядя в зеркало на свое отражение — дерзкое, ослепительно белое, — шепчу: «Кармазин, если вы рассчитывали на большее количество красоты, то сегодня в меню только эта».

Спускаюсь. Каблуки звонко впиваются в паркет.

— Я готова.

Тимофей поднимает глаза. Его взгляд медленно скользит от моих щиколоток к плечам, задерживаясь на ключицах, и... ему явно нравится. Он сдержанно улыбается. В глубине зрачков вспыхивают искры. Ох уж этот ценитель! Но как же сладко оказаться в самом эпицентре его внимания. Стас никогда так не смотрел — жадно, при этом с каким-то уважением. Да на меня вообще никто так не смотрел...

Кармазин наконец «отмирает». Взгляд его становится глубже, тяжелее.

— Восхитительно выглядишь, Сонь. Поедем?

— Я так и не спросила, куда...

Он негромко, бархатисто посмеивается, вставая и сокращая расстояние между нами. Теперь я чувствую исходящий от него жар.

— Для меня это хороший знак, но не уверен, что для тебя.

Ты хочешь этого или чувствуешь себя вынужденной?

— Хочу чего? — мой голос едва слышен.

— Ехать со мной. Говорить со мной. Находиться рядом...

Быть...

Тимофей смотрит так, будто ответ «просто ехать» его не устроит. Я кивнула на предложение, даже не спросив себя — хочу ли я этого на самом деле.

— Хочу... — голос звучит тихо и неуверенно, почти тонет в пространстве гостиной. Пытаюсь поймать его взгляд, расшифровать, что он думает.

— Я не обижу. Мне можешь довериться, — он произносит это почти шепотом. В его словах чувствуется стальная опора.

— Угу.

Тимофей медленно скользит глазами по моему лицу, чуть прищуривается. Кажется, он видит меня насквозь, до самых мелких, спрятанных глубоко внутри страхов. У меня перехватывает дыхание.

— Ничего, Сонь. Ты научишься ставить себя на первое место. Обязана научиться. Иначе история со Стасом — не последнее твоё приключение с подобными типажам... Едем!

Мы выходим в прохладу вечера. Тима открывает тяжелую дверь своего «корабля», подает руку. Его ладонь горячая, су-

хая, пальцы уверенно обхватывают мои — контраст с моей прохладной кожей просто сумасшедший. Видя моё замешательство, он склоняется через меня, чтобы пристегнуть ремень. Я чувствую запах его парфюма — терпкий, дорогой, с нотками дерева. Его плечо на долю секунды касается моей груди, и по телу проносится электрический разряд.

Тимофей обходит машину, садится в кресло «пилота» и заводит двигатель. Салон наполняется мягким рокотом, который я чувствую каждой клеточкой через спинку сиденья.

— Полетели?

— Угу...

Мы кружим по территории курорта, а затем вырываемся на трассу. В салоне вибрирует низкий бас легкой музыки, смешиваясь с шумом ветра за приоткрытым стеклом. Молчание между нами густое, почти осязаемое. Страх нет. Просто внутри всё дрожит от липкого непонимания. Почему я так покорно села в эту машину? Почему лечу в неизвестность с человеком, которого почти не знаю?

Обмениваемся короткими взглядами. Тима молчит. Наконец мы сворачиваем с шоссе в глубь леса. Дорога петляет, ветки кустарников скрежещут по бортам. Паркуемся у массивного особняка, скрытого в густых сумерках. Окна первого этажа тускло светятся.

Тимофей выходит и открывает мою дверь. Я отстегиваю

ремень, принимаю его руку — его ладонь кажется сейчас единственной твердой точкой в пространстве. Шпильки тонут в мягком гравии, и я невольно вцепляюсь в его локоть. Идем к дому в звенящей тишине. Наконец Тима «отмирает»:

— Вопросов не появилось? — усмехается он, глядя, как я с опаской разглядываю готическую кладку стен.

Да их миллион, просто капец! Хочется кричать, но я лишь упрямо сжимаю губы.

— Нет.

Он бросает на меня тревожный, изучающий взгляд, окончательно путая мои мысли.

— Тогда идем.

Я готова предположить всё что угодно, только не то, что разворачивается перед моими глазами. Внутри обстановка удушающая: тяжелый, кислый запах перегара, спертый воздух, пропитанный чем-то порочным.

— Я не хочу идти, — шепчу я, пятясь к выходу. Дрожь охватывает плечи.

До нас доносятся недвусмысленные, животные звуки — стоны, скрип мебели, пьяный смех. Это какой-то притон, бордель... Зачем мы здесь?! Мысли путаются, во рту становится горько. Сердце бьется так сильно, что, кажется, сейчас проломит ребра.

Тимофей берет меня за руку, фиксирует мой взгляд своим и жестко чеканит:

— Один раз увидишь, запомнишь и больше не доверишь-

ся ему. Никогда.

Он толкает тяжелую дверь одной из комнат. Внутри — огромная кровать, на которой Стас с двумя девицами в самом разгаре процесса. Считаю антураж за секунды: это не игра, не случайность, а настоящая, грязная оргия. За животными стонами и пьяным угаром они нас даже не замечают.

Мерзко. В горле вскипает горечь, меня буквально выворачивает наизнанку от тошноты.

Отлетаю от двери и несусь к выходу, не разбирая дороги. Перед глазами всё кружится, пальцы и лицо покалывает от нехватки кислорода. Ноги становятся ватными, я проваливаюсь в темную пустоту, но в последний момент приземляюсь в чьи-то крепкие руки...

Прихожу в себя от чего-то мокрого и ледяного на лице. Болезненная дрожь сотрясает всё тело. Понимаю, что лежу в машине на разложенном сиденье. Надо мной склонился Тимофей: он прикладывает к моему лбу влажный плоток, интенсивно растирает мне виски, затем переключается на кисти рук, возвращая жизнь занемевшим пальцам.

— Соня, приходи в себя, девочка. Давай, маленькая...

Моргаю, с трудом фокусирую взгляд на его встревоженном лице.

— Фух, — он шумно выдыхает и вытирает лоб тыльной стороной ладони. — Сонь, так надо. Больно, противно, зато отрезвляет. Ведь так?

— Я и так бы не вернулась к Стасу... Зачем мне нужно

было это видеть?! — голос срывается на хрип, а слезы жгучими каплями брызгают из глаз.

— Он бы тебе насвистел, и ты бы снова поверила. А так — ты видела всё без прикрас. Своими глазами.

— Это так мерзко... — всхлипываю я, и сама не знаю, что хуже: поступок Стаса (на него мне уже почти плевать) или поступок Тимофея. Как он мог так со мной? Мы знакомы всего день! Я ему никто, чтобы он вот так, лицом, тыкал меня в грязь «правды жизни».

— Что ты сейчас к нему чувствуешь? — Тима внимательно ловит каждое изменение на моём лице.

— Ничего. Он мне чужой. Совсем. Я скорее не понимаю, почему вообще была с ним. У меня к нему вопросов нет. К себе — масса. И к тебе! Зачем? Тебе-то это зачем?!

Тимофей накрывает мои дрожащие ладони своими — тяжелыми и горячими:

— Сонь. Запомни: в любом раскладе ты — важнее. Понимаешь? Ты! Ни один мужик не стоит твоих слез. Мы, конечно, все кобели, но есть настоящие мрази. Тебе по неопытности чуть не достался такой.

— Зачем ты мне это показал? Зачем тебе всё это?! — мой голос срывается, в нем звенит обида и шок.

— Не обольщайся насчет мужиков. Ни насчет Стаса, ни насчет меня, — Тимофей чеканит слова, глядя перед собой

на лобовое стекло. — Я не такая мразь, как он, но я далеко не святой. А ты — хорошая девочка.

— Я не напрашивалась на «нас»! — выкрикиваю я ему.

— Я напрашиваюсь на «нас»! — его слова проносятся по телу колючей волной мурашек. Он резко поворачивается ко мне. — Я напрашиваюсь, Сонь. Но ты должна знать: никто не идеален. Даже я. И если «мы» будем... ты всегда должна ставить на первое место себя. Не меня. Понимаешь?

Глава 14. Шаги

Соня

Тимофей закрывает дверь с моей стороны. Обходит машину. Садится за руль и молча заводит двигатель.

Он не везет меня обратно к шале. Машина плавно разворачивается и уходит в сторону, подальше от лесного особняка, пропахшего похотью и ложью. В голове гудит от признания Тимы, фраза «Я напрашиваюсь на нас!» буквально вибрирует его низким тембром в воздухе.

— Куда мы? — мой голос едва слышен, он всё еще дрожит.

— Смыть грязь, Сонь. Глаза нужно «прополоскать» чем-то настоящим.

Через пятнадцать минут мы паркуемся на высоком обрыве. Впереди — только бескрайний, темный простор неба с алым закатом. Тима обходит машину и открывает мою дверь. Он не торопит. Просто протягивает руку. Я опираюсь на него, чувствуя надежность его ладони, и выхожу на свежий воздух.

Резкий ветер тут же бьет в лицо, бесцеремонно перебирает пряди моих волос и заставляет кожу на открытых плечах

мгновенно покрыться мурашками. Невольно ежусь.

— Дыши, — негромко командует он, становясь у меня за спиной, закрывая собой от самого сильного порыва. — Чувствуешь? Ветер всё развеет. И твою обиду тоже.

Тимофей снимает свой пиджак и накидывает мне на плечи. Тяжелая ткань еще хранит тепло его тела. Я кутаюсь в него и вдыхаю Его аромат, который теперь прочно ассоциируется у меня с безопасностью.

Тима подходит ближе. Теперь между нами — едва ли полшага. В полумраке его глаза кажутся абсолютно черными, поглощающими свет, а лицо — неподвижным, словно высеченным из камня.

— Я не терплю подделок, Сонь. Ты — настоящая. Оставайся такой, не подстраивайся ни под кого.

Он осторожно, почти невесомо, убирает прилипшую к моей щеке прядь волос. Его пальцы, горячие и сухие, задерживаются у моего виска. Замираю, боясь шелохнуться и разрушить этот момент странной, звенящей близости, где шум ветра мне кажется тише моего собственного пульса.

— Хочу, чтобы ты запомнила этот вечер не из-за той комнаты в особняке, — его голос падает до шепота, вибрируя где-то у меня в груди. — И не из-за моих слов, которым, прости, но сейчас совсем не время... А из-за того, что ты теперь свободна.

Дыши, Сонь. Дыши...

Слово «свободна» повисает в воздухе, смешиваясь с вет-

ром. Смотрю на Кармазина и впервые за долгое время чувствую, что мне больше не нужно играть роль идеальной невесты, вообще играть какую-то роль...

Странный вечер. Он бьет под дых.

Я всегда была младшей внучкой, дочкой, сестрой, за которую все и всегда решали. У меня было собственное мнение, но оно неизменно опиралось на чужое, подстраивалось под него. А потом появился Стас, который «умело» сделал меня «младшей» и в наших отношениях. Глупой малышкой, неспособной принимать решения и вообще существовать без него...

Сегодня, стоя на этом обрыве и глядя на закат, я чувствую, как на меня обрушивается осознание: я живу свою жизнь.

Я не живу жизнь бабушки с дедушкой, мамы или сестер, и уж точно не живу жизнь Стаса. Я живу свою жизнь сама! И я свободна в выборе того, что в этой жизни будет.

Я не «мелкая», не «младшая» и не «глупая». Я взрослая. Я — Соня. Я способна сама действовать и готова нести за это ответственность.

Я знаю, что не хочу Стаса в своей жизни.

Не хочу больше гадать, как мои слова повлияют на мнение окружающих. Не хочу касаний, от которых тошно. Не хочу «мириться» и сносить физическое насилие. Больше я не позволю так с собой обращаться — ни во имя кого, ни во имя чего.

Я хочу пить кофе и есть сладкое! Хочу набирать лишние килограммы или сбрасывать их — когда сама того захочу. Хочу выбирать наряды без оглядки на чей-то вкус. Я люблю шелк и кружево, люблю подчеркивать фигуру, люблю шпильки и красную помаду. Мне нравится, когда на меня обращают внимание, когда мужчины заглядываются. Мне нравится ощущать себя желанной и — наконец-то — самой чувствовать влечение.

Я люблю своих подруг, свою семью и себя. И в этой любви я больше не пойду на компромисс. Не должна! Ни перед кем «чужим» я ничего не должна.

Из мыслей меня вырывает голос Тимофея. Он звучит мягко, почти осторожно.

— Сонь, ты как, девочка?

Молча киваю, не отрывая взгляда от темнеющей линии горизонта.

— Уже поздно. Едем?

— Куда? — мой вопрос заставляет Кармазина буквально просиять.

— Очень быстро учишься, Соня, — он довольно прищуривается. — У нас несколько вариантов. Ужин в ресторане, клуб или мой дом — там Сёма еще не кормлен.

— То есть моё возвращение в шале к подругам вообще не предусмотрено? — внимательно считываю его реакцию.

Тима абсолютно спокоен, в его позе — ни капли давления, только ожидание.

— Это крайний вариант. Если настаиваешь — я отвезу.

— Не хочу.

— Тогда?..

Расправляю плечи, чувствуя, как пиджак Тимы всё еще греет мне спину.

— Едем кормить пса. И меня — я тоже чертовски проголодалась от всех этих эмоций.

Тима расплывается в довольной, открытой улыбке. Складывает руки, как при молитве, и чуть склоняет голову:

— Слушаю и повинуюсь... — и уже вполголоса, почти интимно, добавляет: — Расстроили такую девочку... Теперь любой каприз, Сонь. Любой твой каприз.

К дому Кармазина мы прибываем уже ближе к полуночи. Особняк в современном стиле, облицованный белым камнем, в лучах ночной подсветки выглядит потрясающе. Я сразу не замечаю деталей, но пока идем к крыльцу, рассматриваю сад: идеальный газон, дорожки, продуманное освещение. В глубине участка виднеются постройки — похоже на банный комплекс, а с другой стороны поблескивает край бассейна и зона барбекю. Здесь нет пафоса, всё очень уютно и

правильно.

Мы проходим в дом, и тишину холла мгновенно нарушает бодрый стук когтей по паркету. К нам несется настоящий хозяин — Семён. Тима присаживается и обнимает друга, а тот от радости встает на задние лапы, рвется «на ручки», отчаянно виляя хвостом и преданно поскуливая. Тоже наклоняюсь к нему: глажу по жесткой шерсти на голове, чешу за ухом. Пёс приветствует меня звонким, одобрительным лаем.

— А почему Семён? Странное имя для собаки, — спрашиваю я, наблюдая за их идиллией.

Тима на мгновение замирает, его взгляд становится серьезным.

— У меня был друг, Семён. В тот год он сильно разбился на мотоцикле. Мы гоняли вместе. Я вот живой, а он... — Кармазин замолкает, поглаживая пса по загривку. — Я тогда решил, что больше не сяду за руль. И так весь ломаный-переломанный, а гибель Сёмы окончательно отрезвила. Вскоре после похорон гулял в лесу и встретил это чудо.

Он кивает на лохматого друга.

— Тогда он был размером с ладошку, совсем без сил. Думал — не выхожу, но мы справились. Вот и назвал его в честь друга. Того спасти не смогли, так пусть хоть память о нем будет жива. Когда зову этого обормота, всегда Сёмку вспоминаю.

И что тут скажешь?

Я-то надеялась на веселую байку в стиле моего деда Ко-

ли, который называл питомцев исключительно именами провинившихся подчиненных или «рукожопых» солдатиков. Но здесь всё иначе...

Сама не замечаю, как рука тянется к Кармазину. Почему-то нестерпимо хочется погладить его по голове. То ли от того, что он присел и оказался совсем близко, то ли его волосы так сильно манят взъерошить их. На ощупь они оказываются безумно приятными: в меру жесткие, густые и какие-то... «мои». Кажется, я увлекаюсь, потому что Тима, сквозь плохо скрываемую улыбку, произносит:

— Сонь, твои руки просто волшебные. Надеюсь, это искренний порыв, а не потому, что ты в раздумьях спутала мою голову с мордой моего пса?

Я резко отдергиваю руку, чувствуя, как щеки заливают мушкет.

— Извини, я увлеклась... Просто хотела... — язык не слушается.

Кажется, сейчас начну молотить полную чушь, но Тима не дает моим мыслям окончательно запутаться.

— Сонь, всё хорошо. Мне нравится твое участие, и я правильно понял этот жест, — Тима поднимается, становясь выше меня на целую голову.

Стоит мне скинуть туфли, как я окончательно «мельчаю» рядом с ним. Этот контраст, кажется, безумно умиляет Кармазина.

— Сонька, ты такая милашка... Блин, просто миниатюр-

ная девочка!

Он в каком-то порыве прихватывает меня за талию, притягивая ближе. Его глаза искрятся, а улыбка во все тридцать два настолько заразительна, что я невольно начинаю улыбаться в ответ. Вовремя совладав с собой, шутливо парирую.

— Кармазин, верните на землю!

Он не отстраняется. Напротив, наклоняется совсем близко — так, что его шепот обжигает мои губы. От этой близости по телу проносится разряд, а щеки и шею заливает густым румянцем. Становится по-настоящему жарко.

— Со мной — только на седьмом небе, девочка. Только там... — выдыхает он.

Через секунду он всё же отпускает меня и уже серьезнее добавляет, приглашающим жестом указывая вглубь дома:

— Пойдем, Сонь. Сначала кормим «детей» — Семена, потом мою «малышку» Соньку... А если останется что-нибудь аппетитное, то, может, и мне что-то перепадет.

Звучит это донельзя двусмысленно, но так забавно и легко, что я лишь киваю.

— Непременно! — улыбаюсь я, чувствуя, как тяжесть прожитого дня окончательно отступает, оставляя место предвкушению чего-то совершенно нового.

Глава 15. Вериги

Соня

Мы ужинаем в уютной, почти семейной тишине.

Тимофей уверенно хозяйничает на кухне: сервирует стол и разогревает ужин, заботливо кем-то оставленный в холодильнике. Это салат и лосось...

«Почему на двоих? Знал, что я приду, или у него всегда наготове запасной вариант для любой гостыи?»

— Сонь, я ждал именно тебя.

Я замираю, перестав жевать. Чёрт. Либо он читает мысли (и тогда мне конец, потому что в голове у меня сейчас полная «стыдобушка»), либо...

— Я это вслух сказала? Про ужины с разными гостями?

Тимофей щурится, пытаюсь поймать мой взгляд, а потом тихо смеётся, закрывая лицо рукой.

— Соня, ты классная. Видела бы ты себя сейчас. Девочка моя...

Я утыкаюсь в тарелку, отчаянно ковыряя вилкой лосось. Стыдно так, что хочется провалиться сквозь пол.

— Посмотри на меня.

Веду головой в сторону. Его пальцы касаются моего подбородка, заставляя поднять на него глаза. Тим больше не

смеётся. Теперь он предельно серьёзен.

— Сонь, я не затворник, и здесь бывали женщины. Но сегодня я ждал тебя. Хотел поужинать с тобой — дома или где угодно.

Напряжение внутри чуть отпускает.

— Ты завтра улетаешь, — продолжает он. — Мне просто хотелось побыть рядом. Вот и всё.

— Зачем? — вылетает прежде, чем я успеваю прикусить язык.

— Мне хорошо с тобой.

— И мне, — признаюсь я, заливаясь краской.

Он снова улыбается, и в его глазах вспыхивают смешинки.
Красивый, гад.

— Сонь, ты же в основном в Москве обитаешь?

— Угу. Хочешь в гости?

— Я там часто бываю. У меня в Москве друзья и вообще — почти вторая жизнь.

— Вторая жизнь? — я прищуриваюсь. — Это жена и трое детей?

— Нет, Сонь. Детей точно нет...

— Значит, жена?

— Мимо!

Я хмурюсь, давая понять, что загадки мне не по душе.

— У меня в Москве квартира и какой-никакой быт, — поясняет он. — Но я там не задерживаюсь. Только по работе или с друзьями повидаться.

— С друзьями-мужчинами?

— О, так ты ещё и ревнивая малышка? — уже посмеивается он и я тоже не могу сдержаться и прыскаю от смеха.

— Не знаю, возможно... Малышка? — показательно возмущаюсь я, хотя внутри всё сладко замирает.

— А как лучше? Сонечка, Соня, Софьюшка, Софи?

— Звучит... очень мило. Всё. — Вспоминаю Стаса и его: «Софья!» и хочется «прополоскать» уши.

Кармазин довольно кивает, принимая к сведению.

— А тебя как лучше называть? Тимофей, Тима, Тим?

— От тебя любое имя звучит вкусно. Тепло, мягко, нежно... Мне нравится.

— Тима... — Я набираю побольше воздуха. Раз сегодня день Сони, которая делает то, что хочет, и готова за это отвечать, я решусь. — Я чувствую твой интерес... и чувствую тебя. Но ты останавливаешься у самого края, и я теряюсь.

Тимофей явно не ожидал такой откровенности. Он на секунду задумывается, подбирая слова, и наконец выдаёт:

— Боюсь ранить тебя, Сонь.

Я хмурюсь, не до конца понимая его мысль.

— Ты не простишь мне Стаса?

Он медленно качает головой, не разрывая взгляда. Берет мою руку в свою ладонь и произносит очень тихо:

— Сонь, его не было. Для меня — не было. Но он всё ещё где-то в тебе, и тебе нужно время, чтобы его отпустить. А мне нужно время, чтобы очистить от прошлого свою жизнь.

— Я боюсь, что мы сейчас прощаемся насовсем, — мой голос звучит тихо, но пропускает нотки дрожи, которую я не хочу показывать, но она сама меня выдаёт. — Будто если я отпущу твою руку, то проснусь и вернусь в тот момент, который был три дня назад. А я не хочу.

— Сонь, я твоё плечо. Можешь опереться в любом вопросе. Но первые шаги ты должна сделать сама.

— Я не вернусь к нему.

— Знаю. Но надо закрепить.

Не успеваю я ничего спросить, как Тима снимает со своей шеи цепочку с массивным медальоном и надевает на меня. Она тяжелая и всё еще хранит его тепло — от этого ощущения мне сразу становится уютно.

— Что это?

— Знак. Амулет. А для тебя — вериги, — он говорит это серьезно, почти властно. — Снимать нельзя. Никогда. Я надел — ты носишь. Это напоминание, что ты больше не принадлежишь Стасу. Ты принадлежишь только себе. Как только потянет на дурь, захочешь пожалеть его или ответить на звонок — сразу вспоминай об этом. Цепь для тебя тяжелая не даст забыть.

— Угу, — я сжимаю медальон в кулаке. — А о тебе вспоминать можно?

— Я постараюсь не давать тебе себя забыть...

Ужин закончен. По привычке загружаю посудомойку, чувствуя на себе его особенный взгляд.

— Сонь, ты очень хорошая. Правильная девочка. Очень...

— Вовремя вы меня перехватили, сударь, — пытаюсь отшутиться я. — Пока не успела озлобиться и натворить дичи.

— В девятнадцать девушки бывают разными. И опытные

ми, и творящими такое...

— Ой, простите! Отвечают знатоки, куда уж нам, телезрителям, — язвительно перебиваю я, но тут же тушуюсь. — В отличие от этих «особ», мой опыт ограничен двумя попытками хоть что-то понять. Блин... Зря я это сказала. Тим, прости.

Язык мой — враг мой. Скашиваю взгляд: Тимофей не смеётся. Наоборот, он предельно серьёзен и даже немного хмур. Он подходит со спины и нежно обнимает меня. Я кожей чувствую его тепло и горячее дыхание на шее.

— Ш-ш-ш... — шепчет Тима, как успокаивают детей. А у меня все волоски от этих касаний, звуков, его дыхания на моей коже становятся дыбом, запуская то ли жар, то ли холод. — Сонь, его не было. Никого не было. Дело не в опыте, а в воспитании. И тут у тебя высший балл. Твоя неопытность — это охрененный плюс.

Я скептически хмыкаю. Слабо верится, что мужчина вроде него предпочтёт зажатую девчонку очередной женщине-вамп.

— Я всегда буду проигрывать тем женщинам, которые тебе нравятся.

Он медленно качает головой.

— Сонь, ты ничего не знаешь обо мне. Хотя сейчас и не время узнавать. Клин клином не вышибают, поверь.

— А если я хочу не «вышибить», а понять себя?

— Для этого секс не нужен. И не смей никого искать, слышишь?

Он полушутя тянет за цепочку с медальоном, напоминая.

— Ты принадлежишь только себе, — повторяет он, и его голос вибрирует у самого моего уха. — Пока не осознаешь, что любой выбор — только твой и никакой иначе, не смей.

Он чуть сильнее натягивает цепочку, заставляя меня обернуться. Расстояние между нами — пара вдохов.

— Вот когда поймёшь, — его взгляд прошивает насквозь, — тогда и окунайся в отношения, в страсть... А пока не надо.

Я сглатываю. Воздух в кухне кажется слишком густым, а медальон на груди — раскаленным.

— А если я выберу... тебя? — шепотом, почти не дыша.

— Тогда это будет по-настоящему. Но не раньше, Соня, чем поймешь, что ты этого хочешь.

Тимофей отпускает цепочку и делает шаг назад, разрывая нашу близость.

— Идем спать. Завтра тяжелый день. У тебя аэропорт в два часа и я обещал Юлии, что доставлю тебя в шале не позже 9 утра. И еще. Я вас сам отвезу в аэропорт.

Ночь проходит без происшествий. Как ни странно, я отлично высыпаюсь на его огромной кровати. Где спал сам Ти-

ма — загадка: проснувшись утром, вижу, что его сторона идеально заправлена и совсем не смята.

Мы пьем кофе почти молча. Слов не нужно — за нас говорят его случайные, но такие весомые касания. Когда мы пересекаемся в широком пространстве кухни, его ладонь то мимоходом скользнет по моей пояснице, то на мгновение задержится на плече. От этих жестов по коже разбегаются мурашки, а внутри разливается странное спокойствие.

В какой-то момент он подходит со спины и обнимает меня, прижимая к себе. Я затылком чувствую биение его сердца, а он утыкается подбородком в мою макушку. Мы стоим так пару минут — в тишине, наполненной ароматом крепкого кофе и его парфюма. Зачем говорить, если сейчас нам обоим и так хорошо?

Но он разрывает молчание:

— Сонь, ты удивительная. Такая родная... Не теряйся, девочка.

Я лишь молча киваю.

— Я с тобой. Если что — ты всегда можешь обратиться, и я всё решу.

Снова кивок.

— Поехали. Заберем твоих подруг, скоро нужно выдвигаться.

Он берет моё лицо в ладони, приподнимает его и, вглядываясь мне в глаза, произносит:

— Соня, я приеду. Это наша не последняя встреча. Слы-

шишь? Не последняя...

Глава 16. Возвращение

Соня

Москва нас встречает унылой погодой. Середина мая, но мелкий дождь и серые тучи. Холодно как снаружи, так и внутри...

Три дня с Тимой — как в другой жизни.

В аэропорту мы почти не говорили.

Он стоял рядом. Держал за руку как само собой разумеющееся. Когда почувствовал, что меня немного потряхивает, обнял за талию и начал ласково поглаживать.

Я до сих пор ощущаю его большую и горячую ладонь на своей спине: как она плавно скользит сверху вниз и, вернувшись к началу, вновь опускается по позвоночнику, разливая по мне тепло и разгоняя тревогу и страх.

Перед посадкой Тима меня коротко обнимает и даже не целует, а нежно чмокает в лоб и щеку, произнося шепотом прямо в губы:

— До встречи. Береги себя.

Я только и успеваю ему кивнуть и прошептать:

— И ты.

Мою руку сразу перехватывает Юлька и, махнув Кармазину, подбадривает идти вперёд, не давая мне оглядываться

— вообще ничего не давая, а только приговаривая:

— Сонька, ну и влипла ты. Но с ним благословляю! Вот от души!

Домой попадаю уже глубоким вечером.

Наташка с мамой дома и ждут от меня эмоций и новостей. А мне, как раку, хочется забраться под корягу и вообще не отвечать.

А ещё хочется написать Тиме. Сама не решаюсь. У нас с ним уговор. Мы перевариваем...

На мне его вериги. И тяжесть этой цепи не даёт забыть о нём, о себе и моих обещаниях.

Наташка заваливается ко мне в комнату:

— Как моя систер? Ты какая-то странная и другая. Расскажешь?

— Потом...

Наташка с прищуром всматривается в меня. Её взгляд скользит по моей шее, и она замечает его «амулет».

— Ого! — берет цепочку, а потом и кулон в руку... — Соня, ты во что вляпалась?

Её голос предельно серьёзен, а взгляд жжёт.

— Ни во что, — мямлю я.

— Это что за контрабанда?

— Ты о чем вообще? Я не понимаю, — но Наташкин настрой считываю, и он ни фиги не весёлый.

— Сонь, ты в курсе, что на тебе цепочка из платины, грамм двести так, а на кулоне ещё и пара чёрных бриллиан-

тов? И не тех, которые для изготовления свёрл. Это коллекционная вещь. Колись, систер. Что за херня творится?

Наташку бесполезно дурить. Она у нас великий в будущем архитектор и дизайнер. Прекрасно разбирается в моде, трендах, марках, брендах... в чистоте бриллиантов и может, в отличие от меня, определить где серебро, а где платина.

Когда Кармазин надевал на меня эту цепочку, я и не думала о её стоимости.

Это же просто амулет или, как он сказал, вериги...

Как оказалось — охренительно дорогие вериги, которые теперь висят на моей шее. И есть уговор, что их нельзя снимать.

— Снимай, Сонь. И если сама не вернешь владельцу, то мне телефон дай, и я поговорю с этим щедрым дарителем. И за какие такие заслуги, Сонь?..

В голосе Наташки нет двусмысленности, она не намекает ни на что порочное, но мне всё равно обидно... Как там говорилось? Я сама решаю и принадлежу только сама себе...

— Наташ, я не сниму. Это вериги, и они надеты мне на шею очень хорошим человеком. Не «за что-то», а «зачем»...

Я делаю паузу и собираюсь с мыслями, чтобы поставить точку в этом противостоянии взглядов.

— Это, — показываю я на цепочку с кулоном, — чтобы я уже научилась отстаивать свою позицию, а не жила мнением других. И помнила, что за свои решения я несу ответственность сама. И я готова.

Наташка вскидывает брови и явно закусывает щеку, чтобы не заржать от моей бравады. Только чуть склоняется ко мне и, прикоснувшись к плечу, смотрит прямо в глаза:

— Котёнок вырос в тигрицу?! — и, стукнув меня кулачком в плечо: — Молодец, мелкая! Расскажешь как-нибудь, кто тебя так просветил? Мне прям интересно посмотреть на этого адепта христианской веры... Как хоть зовут-то?

— Тимофей...

— А Тимофей у нас охренительный человек, раз такие презенты — простите, вериги — напяливает на первую встречную? Или он просто безумец?

— Первое — да, второе — нет.

— Ну, хоть не припизднутый!

Мы обе ржём.

— Сонь, не вляпайся, а! Ты, конечно, взрослая, но за тебя я ведь и ручки с ножками кому угодно сломаю. А мне драться нельзя. Пальцы беречь нужно — я как чертить, рисовать буду?

— Маме не говори про вериги. Вообще никому не говори.

— Угу.

— Как начнут действовать и найду в себе силы, я сама всё расскажу...

— А там есть чем поделиться?

— Да.

— Там капец?

— Почти. Но вовремя остановленный тем, кто повесил

мне это на шею...

— Ну, хоть за это можно дарителя ценить, — Наташка задумывается и добавляет: — Хотя, знаешь, Сонь... я никогда не была меркантильной сукой, но этот чувак явно тебя защищает не просто так. И, похоже, даже от самого себя. На твоей шее сейчас примерно квартира в Москве. И не где-то в Капотне, а в пределах МКАД.

— Бля...

— Сейчас по губам получишь! Ты, конечно, взрослая и свободная, но хер ты у меня материться будешь...

От этой формулировки мы вообще начинаем ржать в голос!

— Двойные стандарты, Наташ.

— Мне можно, я почти на два года старше! — улыбаемся мы. — Кстати, Дашка звонила. У Машки защита скоро, надо девочку поддержать. Предлагают у них встретиться и потусить.

Дашка и Машка — это еще две наши сестренки, которые сепарировались и сейчас живут на другом конце города, в дедушкиной и бабушкиной квартире. Дашке так ближе на учебу и стажировку, а Машке — к универу, где она трудится преподавателем и уже в конце этого месяца выходит на защиту кандидатской.

— Ты же знаешь, что я всегда готова сгонять к сестренкам.

— Вот на выходных и съездим. Как раз Машка из Под-

московья вернётся, от дедули с бабулей.

Сестра уходит к себе. А у меня руки так и чешутся, чтобы набрать Тиму и хотя бы услышать его голос.

Но надо поступить по-взрослому.

Вериги тянут и напоминают о моём слове. И я осекаюсь.

Внутри свербит: если не услышу от него хоть слова, то как будто этого ничего и не было.

Мой телефон «простреливает» вызовом. По инерции чуть не принимаю, но реальность бьёт в глаза — на экране Стас.

Нет.

Сбрасываю и откидываю трубку, как будто это ядовитая змея.

Синяк почти не заметен на моем запястье, а то, что видно, сейчас скрыто несколькими браслетами. Но я-то помню. И я не дам себе забыть ни его захвата, ни его жалящих слов. Не забуду то, что видела его в той похоти и грязи, в том ужасном борделе...

Никогда! Больше никогда!

Хватаю телефон и блокирую Стаса везде.

Сейчас главное, чтобы он не явился на порог или не подкараулил меня завтра рядом с универом...

Надо искать какую-то защиту и что-то придумать.

Набираю Юльку и предлагаю вместе завтра идти на пары, прихватив ещё и Маринку со Златой. От последней, если дело дойдёт до физического столкновения, нет никакой пользы, разве что она может быть нашей сиреной — орёт она

знатно, на ультразвуке. Но не драться же мы с ним будем?

Хотя я бы ему втащила...

Блин, вериги и правда работают! Откуда только берутся такие мысли — «втащить»...

Откладываю телефон в сторону, но вижу, как экран загорается новым сообщением: «Тимофей Кармазин...».

Секунда на раздумья — и открываю. А там короткое: — Сонька, уже скучаю...

Не могу сдержаться и пишу такой же краткий, но ответ: — И я... Очень.

Утром у нас пары. К десяти нужно в универ.

Психопатология — как раз то, что нужно, чтобы прийти в себя и начать смотреть на Стаса трезво! Перестать путать «неземную любовь» с клиническим случаем..

Хотя мне давно Юлька намекала, что он абыюзер с маниакальной склонностью к преследованию и контролю...

Теперь-то я понимаю, что это с его стороны ни хрена не забота и не желание защитить, а откровенное унижение и стремление втоптать партнёра в грязь, чтобы самоутвердиться и получить от этого почти физический кайф...

Мой «отряд быстрого реагирования» живет неподалеку.

Юлька — соседка по дому, школе и теперь вот по университетской парте.

Позже к нашему штабу примкнула Злата, а следом — Маринка. Последняя вообще с другого берега: старше на курс

и с факультета физкультуры. Нас свела судьба и вопли на межфакультетских соревнованиях. Мы так неистово топили за родную психологию, что Маринка, вписавшаяся в наш ор, сошла за свою.

Потом она рассказала нам о мотивах «топления» за «чужих»:

— Да чё, вы, психологи, вечно в аутсайдерах, хилиаки немощные, жалко вас даже. Физруки в этих «весёлых стартах» не участвуют — мы ж все места заберём. Вот я и топлю за самых слабых, повышаю их мотивацию!

Юлька заходит за мной в 9:30. Нам до универа минут двадцать пешком.

— Идём? — спрашиваю я Юльку.

— Идём-то идём, — подруга замирает, её брови взлетают вверх, и она выдает протяжный свист. — Вау! Софьюшка, и до каких пор вы планировали прятать от общественности эти ваши перси и заманушный афедрон?

Да, сегодня утром я была в ударе. Точнее, в ударе была Наташка, которая вызвалась быть моим стилистом. Она мастер по «подчеркнуть всё и сразу», не скатываясь в пошлость.

Результат?

Космический стыд борется во мне с диким восторгом, потому что сегодня всем парням в радиусе километра гарантирована тотальная пи*да...

Черное платье сидит как вторая кожа. Длина до колена —

прилично, но декольте... Декольте в тандеме с веригами — это просто выстрел в упор!

Сверху — кожаный укороченный жакет, на ногах — любимые шпильки-ботильоны из замши.

Красная помада, пшеничные локоны, сумочка в тон — и всё, объявляйте план «Перехват».

Но, чёрт возьми, мне комфортно! Впервые я чувствую себя не «чьей-то девочкой», а взрослой, красивой и, главное, свободной делать то, что хочу именно я.

— Я не прятала тело. Просто не слушала себя. А теперь — буду! Всегда!

— Умница! — Юлька говорит это без капли иронии. — В следующий раз предупреждай, а то я на твоём фоне чувствую себя как тот самый паж на балу.

— Не прибедряйся. Ты всегда королевишна.

Юлька и правда выглядит обалденно. Жгучая брюнетка в черных зауженных брюках и рубашке, тоже на каблуках.

Две «леди в чёрном» идут на охоту — выдвигаемся!

Но наша эйфория по поводу собственной сногшибательности разбивается вдребезги ровно через три секунды.

Стоило выйти из подъезда, как мы буквально «ударяемся» о Стаса...

Глава 17. Под защитой

Соня

Стас...

Он стоит, прислонившись к своей машине, и этот его ослабленный вид не обманывает — от него фонит угрозой.

Пuls сразу учащается, по спине бежит ледяной холодок, но цепочка на шее напоминает о свободе. Я неосознанно тянусь к кулону и сжимаю его в ладони, вбирая сначала прохладу металла, а затем его ответное тепло.

Мысленно настраиваю себя на бой.

Стас медленно, по-хозяйски сканирует меня сверху вниз, задерживаясь на декольте и веригах.

Я кожей чувствую его нарастающее недовольство.

Но мне в моменте не стыдно. Страшно — да, но я больше не чувствую вины ни за свой вид, ни за то, что подаю голос первой:

— Зачем ты здесь?

Его манера доминировать всегда балансировала на грани. Сейчас, после блокировки и моего «побега», она превратилась в нечто по-настоящему опасное. Его взгляд буквально приказывает: «Вернись в стойло!».

Смаргиваю морок.

Стреляю взглядом обратно в него. «На меня больше не действует!» Хотя внутри всё леденеет от жуты.

Он начинает приближаться. Медленно, как хищник, который вот-вот готов наброситься и растерзать добычу.

Юлька тянет меня за рукав, призывая уйти, но стою как вкопанная.

Я не собираюсь бежать.

— Выглядишь... вызывающе, Софья, — его голос звучит пугающе ровно. И этого его «Софья». — Нам нужно поговорить. Без свидетелей.

Он делает шаг вперед, демонстративно игнорируя Юльку. Я инстинктивно сжимаю кулаки.

Вериги на шее напоминают о себе своей тяжестью и теплом.

— Нам не о чем говорить, Стас. И свидетели мне не мешают, — мой голос дрожит. Заставляю себя смотреть ему прямо в глаза. — Мы идем в универ. Нам пора.

— Софья, не беси меня! — он пытается перехватить моё запястье. Я вырываюсь. С силой дёргаю рукой. Боль от синяка вспыхивает с новой силой, и это срабатывает как спусковой крючок.

— Пошёл на хер отсюда!

Стас реально пошатнулся. Я никогда при нём не материлась.

Через секунду он снова идёт в наступление. Выставляю руки, преграждая путь.

Он уже не просто злится — шипит. Глаза наливаются кровью. Это не вспышка гнева, это настоящая ярость.

Ой, мамочки... Собиришь, Сонька!

— Ты забыла, о чём мы договаривались? Думаешь, кольцо, брошенное мне в лицо, что-то изменило? Ты моя по праву. Я всё ещё твой жених. Садись в машину! — чеканит он каждое слово.

Я не сдамся без боя!

— По этому же «праву» ты трахал шлюх в придорожном притоне?

Его снова штормит. Он явно был уверен, что его маленькие грехи никогда не всплывут на поверхность.

Добиваю, нападая:

— Ты абьюзер с повадками маньяка! Недомужик, у которого сил хватает только на то, чтобы ударить девочку. Ты унижаешь и оскорбляешь, потому что сам — ничтожество! В тебе нет ни силы, ни красоты. И ты очень хреновый любовник, способный довести до оргазма только тех, кому за это заплачено!

Стаса аж пружинит.

Сморгнув, он подаётся вперёд и замахивается.

Инстинктивно зажмуриваюсь. Чувствую, как щеки касаются только поток воздуха. Открываю глаза и вижу незнакомого парня.

Судя по всему, он так приложил Стасу, что тот уже валяется на асфальте и матерится как сапожник.

Юлька наконец оживает:

— Спасибо! — и, хватая меня за локоть: — Соня, пошли скорее, пока он не очухался!

Парень — настоящий качок. Он внимательно смотрит на меня и вгоняет в очередной шок:

— Соня, пройдёмте в машину. Я вас довезу. Тимофей просил приглядеть, а я отошёл на минуту и прошляпил этого... В общем, идёте. И подружку подвезём, — он многозначительно подмигивает Юльке, а та картинно закатывает глаза.

Что? Это ещё что за химия между ними?

— Идёте! — чеканю я уверенно, хотя на самом деле поджилки трясутся: вдруг Стас сейчас вскочит и устроит настоящий кошмар?

Почти бегу. Хочется поскорее оказаться подальше от Стаса — желательно за надёжно закрытыми дверями или в паре десятков километров отсюда.

В салоне огромного авто легче не становится. Видимо, я ловлю «отходняк» от той волны адреналина, что затопила меня несколько минут назад. Меня реально трясёт.

Качок уже выруливает из двора, протягивая бутылку воды Юльке. Они о чём-то переговариваются, но я не слышу. В ушах шум...

Юлька заставляет попить.

Сжимаю в руке кулон и про себя, как мантру, повторяю слова Тимы: «Я сама решаю. Я принадлежу только сама се-

бе!»

Немного отпускает.

У парня звонит телефон — по разговору понимаю, что это Тима. Тот передает мне трубку.

— Да... — неуверенно бормочу я.

— Сонь, он тебя сильно напугал?

— Да. Но я нормально уже, — шумно выдыхаю, стараясь привести состояние в порядок.

— Сонечка, с тобой побудет Миха, Михаил. Он пригладит, ладно?

Не знаю, как реагировать. Сегодня он действительно очень помог, а дальше... Тимофей будто читает мои мысли:

— Сонь, Стас не отстанет. Миша обеспечит твою безопасность. Пока так надо. Понимаешь?

— Да, — соглашаюсь я.

— Я ищу другие выходы, но пока — только так. И ещё... я прилечу. Нужно решить один вопрос. Заеду?

— Куда?

— К тебе.

— Куда — ко мне?

— К тебе домой, девочка. Или ты против?

— Нет. Я за... Очень. Очень... — слёзы сами начинают течь.

Слышу по паузе — Тима всё понял.

Стараясь не выдавать себя, не шмыгать носом, но дыхание сбивается. Юлька приобнимает меня за плечи, и от это-

го сочувствия становится только хуже — я просто «взрываюсь».

В трубке звучит его спокойный голос:

— Малышка, не надо. Оно того не стоит. Всё хорошо будет, не плачь.

— Угу... — но слёзы льются сплошным потоком.

— Сонь... Сонечка. Я приеду. Слышишь? Вытирай слёзы и береги свои красивые глаза. Целую тебя, малышка...

И он кладёт трубку. Гудки. Гудки...

«Вот и навязалась, — проносится в голове. — Какие вериги, какое «я сама»... От меня одни проблемы».

Из этого болота самобичевания меня вытаскивает голос Михаила:

— Чё, будем знакомиться? Я Миша. Вы, значит, та самая красивая девочка Соня? Тимка — мой друг детства. Я сейчас всё равно в отпуске, делать нехер, так что не переживай — везде с тобой покатаюсь. С этим твоим бывшим мы вопрос решим. Не волнуйся, красавица. И подружка твоя пусть не дёргается — я и за ней пригляжу, — он мельком подмигивает в зеркало заднего вида.

Юлька тут же взбрыкивает:

— Чего?! За кем ты там приглядывать собрался?

— За тобой, принцесса. За тобой...

Ну всё. Новый сериал.

Закатываю глаза. Спич этого Миши реально вырывает меня из вязких переживаний. Плакать больше не хочется. Уже

тихонько посмеиваюсь, глядя на их продолжающуюся словесную перепалку и взгляды-стрелы, которые они бросают друг на друга в зеркало заднего вида.

Ну, блин, а ведь красивая бы из них вышла пара! Честное слово.

Подруга начинает заметно нервничать. Но Миша не сдаётся:

— Принцесса, ты так громко молчишь, что у меня в ушах заложило, — хохочет он. — Можешь и дальше меня испепелять — у меня кожа толстая, я в танке!

Юлька пытается удержать маску праведного гнева и поджимает губы, но предательская ямочка на щеке её выдаёт. Она фыркает и отворачивается к окну, хотя я-то вижу — она едва сдерживается.

— Танкист, значит? — наконец выдавливает она, и в её голосе уже нет прежнего яда, только колючая ирония. — Судя по габаритам — скорее, тяжёлая артиллерия. С таким ростом люк в танке просто не закроется!

— О! Прорезался голосок! — Миша расплывается в довольной улыбке. — Артиллерия так артиллерия. Главное — в цель попал. Как там говорят: «тра-та-та-та-та!» Сдавайся, Юль, сопротивление бесполезно. Я всё равно заставлю тебя улыбнуться. Ну, — подмигивает он ей в зеркало заднего вида. — Давай со мной: «хо-хо-хо»!

И Юлька не выдерживает. Сначала прыскает в кулак, а через секунду начинает смеяться в голос — открыто и зарази-

тельно. Я подхватываю, и вот мы уже втроем гогочем на весь салон.

Всё. Отпускает.

Напряжение, страх перед Стасом, дрожь в руках — всё это на мгновение отходит на второй план.

Глава 18. Маски сброшены

Соня

Пара по психопатологии. Препоод с упоением вещает о маниакальном синдроме и фазах БАР. Я сижу в «тисках»: Юлька и Златка зажали меня с обеих сторон. Юлька, героически сдерживая ржач, чуть слышно шипит:

— Слушайте, можно было прогуливать. Мы все выходные бесплатно наблюдали «Пресвятого Станислава-контуженного» в маниакальной фазе.

Златка вбрасывает дровишек в топку иронии, хитро шулясь:

— Не, мы только демоверсию видели. Препоод говорит, там еще депрессия и «мешанина» полагаются. Вот бы на депрессию Стаса глянуть... Это же будет эпик!

Мы уже коллективно подхрюкиваем в кулак. Юлька не унимается:

— Слушай, после Мишкиного хука справа и контрольного джеба у этого «биполярика» фазу должно либо отщелкнуть в ноль, либо закоротить окончательно. Ставлю на второе. Будем потом всей страной ловить и принудительно лечить.

Златка делает лицо мультяшного злодея и загробным го-

лосом выдает:

— Будем причинять добро... И наносить пользу...

Юлька давится смехом:

— И кто тут после этого настоящий маньячилла? Злат, после твоих слов мне даже этого недо-кавалера жаль стало. Хотя... — она стреляет глазами в мою сторону, — нет, отставить жалость! Пусть горит в аду!

Резко становится не смешно. Препоод зыркает на нас так, будто мы — реальные «шизоиды» и «биполярники», а нам от этого хочется просто телепортироваться под пол.

После пары идем в буфет — там Маринка обещала занять очередь за кофе.

— Э, девчули, салют! Чего такие кислые?

Златка театрально вздыхает:

— Мы прямиком с психопатологии. А там сегодня хит сезона — лекция про обиженных экс-женихов, — и выразительно косится на меня.

Маринка сочувственно хлопает меня по плечу:

— Да забей...

— Сонька не успела, Стасян забил! — парирует Юлька.
— Прямо к Сонькиному подъезду прибил, стрелу забил.

— Огуреть! И чего?

— А ничего! — Юлька отмахивается, предвкушая бенефис.

Она вкратце (минут на пятнадцать) излагает суть «свида-

ния», щедро приправляя мой образ стальной волей и умением виртуозно «махать веригами». А также талант качка Миши, тоже растет на глазах. В её рассказе парень вмиг приобретает черты неубиваемой машины с сексапильным лицом, торсом и всем-всем... Что происходит-то? И ты, Юль, что ли поплыла?

Дальше по плану социология. Лекции сдвоенные, так что сидим всем табором, а в придачу к нам — целый десант физруков. Итого — шесть групп в одной аудитории.

На социологии молодая преподавательница бодро задвигает про гендерное неравенство и типы маскулинности.

Стас в этой схеме — классический «хранитель скреп», «критик» и «собственник» в одном флаконе. А Тима? Тима Кармазин в методичку не лезет. Кто он: «Донжуан», элитный «коллекционер» или банальный «бабник»? Верить в ярлыки не хочется. Интуиция молчит. Платиновые «вериги» на шее будто посылают сигнал: «Слышь, хозяйка, может, сама решишь, кто он такой?» Но трезвое сознание тут же выдает звонкий подзатыльник: «Ага, ты уже одного «идеального семьянина» разглядела. Теперь вот расхлебываешь».

Мне явно нужно время. И чтобы понять себя, и научиться отличать настоящих мужчин от тех, кто просто хорошо умеет дарить ювелирку.

Из универа выплываем ближе к четверем. Гляжу — на парковке для сотрудников, где обычно только ректорские каре-

ты, красуется огромный «танк» Михаила. Как он туда просачился — загадка, но стоит довольный, сияет всеми тридцатью двумя.

— Ого! А девичья популяция-то растет! — басит он. — Оставлял двух, а забираю целый цветник. Четыре!

Юлька, не меняя траектории, бросает на него убийственный взгляд:

— Вы бы, сударь, слюни подобрали, а то еще поскользнется.

— Ревнуешь, что ли? — Михаил подмигивает ей так нагло, что Юлька мгновенно краснеет.

— Пф! Много чести! — отрезает она, но отворачивается подозрительно быстро.

Я спешу вмешаться, пока парковка не превратилась в поле боя:

— Миш, знакомься: это Марина и Злата. С Юлькой вы уже... ммм... общались.

Обмениваются кивками разной степени тяжести.

— Ну что, загружаемся? — Миша обводит взглядом наш десант. — Можно в бар, можно в клуб, душа и Юлька просят праздника! Только Соньку сначала лично Кармазину в руки сдам.

— Ага, разбежался! Ни в какие бары мы не едем, — выдает «обраточку» нашему стокилограммовому Аполлону Юлька. — Соня на тебе! Головой отвечаешь. А нам пора.

— Подбросить?

— Сами дотопаем. Лишние калории сжигаем, фигуру блюдем!

Когда девчонки скрываются за поворотом, Миша заводит свой броневик и хмыкает:

— Слушай, эта Юлька всегда такая заноза? — Я только неопределенно веду плечом. — Классная девка! Но характер — как у кобылки необъезженной.

— Ты ей только в лицо это не ляпни, — предупреждаю я. — А то «поскачешь» на все четыре стороны, причем очень быстро.

— Угу, риск оценил...

Миша доставляет меня к дому. Говорит, что Кармазин еще штурмует пробки из аэропорта, и предлагает посторожить меня в машине. Решительно отправляю его восвояси:

— Миш, езжай. Из дома я ни ногой, пока Тима не позволит.

Он явно не в восторге от моей самостоятельности, но не спорит. Доводит до самой двери квартиры. Эта гиперопека со стороны парней Кармазина начинает казаться перебором. Хотя... вспоминаю утреннее «явление Стаса народу» — может, они и правы?

Для Тимы хочется выглядеть просто крышесносно. Вторая «я», та самая, что носит на шее платиновые «вериги»,

уже вовсю долбит мне по темени ментальным молоточком: «Не для него старайся, дура, а для себя!». Ну ладно, ладно! И для себя тоже!

В шкафу томится шедевр — платье из плотного черного шелка на невесомых бретельках. Наташка притащила его из Италии в прошлом году, когда моталась туда со своим архитектурным гуру Ильей Ольховым.

Маняще-сексуальное до невозможности... И что? А ничего! Ничегошеньки!

К нему же идеально ложатся и «вериги», и черные шпильки, и алое пальто с такой же помадой. Просто королева! Собралась. Тимы нет. И вот как я буду выглядеть, если он зайдет, а я тут в полном параде посреди квартиры? Глупо? Да.

Спешно разоблачаюсь. Развешиваю всё аккуратно, чтобы в случае чего впрыгнуть обратно в образ за секунды. Влезаю в любимый шелковый халатик — белый, в трогательное красное сердечко... И иду пить чай.

Есть охота — жуть. Но наесться же перед свиданием? Принцесса, благоухающая борщом с чесноком, — это уже какая-то альтернативная сказка.

Но руки — эти предатели — сами открывают холодильник. Желудок приветствует «красную прелесть» внутри радостным воем голодного волка. Гляжу на кастрюльку с борщом, на бабулины корнишоны, на салыце с чесночком... Сглатываю слюну и волевым усилием захлопываю этот портал в мир искушений. Как это развидеть?! Мозг уже всё от-

сканировал, запомнил и транслирует желудку приказ: «Ори громче!». С таким музыкальным сопровождением на свидание точно нельзя.

Семь вечера. Тимы всё нет.

«Вериги» тянут к земле, есть хочется так, что искры из глаз. Аутотренинг в духе «Соня, ты на диете из святой воды, терпи до отъезда Тимы» не помогает.

Восемь. Да пропади оно всё пропадом!

Грею суточный борщ, режу бородинский, кромсаю сало и огурчики... Ставлю чайник, завариваю чай и только-только собираюсь вонзить зубы в этот гастрономический рай, как телефон взрывается сообщением: «Соня, я приехал. Спустись, надо поговорить».

Тима. Твою ж дивизию!

«Тима, ты, конечно, мужик мечты и подарил мне охрительно дорогие «вериги», но, блин... тут же БОРЩ!»

Мне кажется, если бы в этот момент не звякнул дверной звонок, я бы просто разрыдалась над тарелкой. Делать нечего — плетусь открывать.

— Тима?

— Привет, Сонь. Хотел подождать в машине, но три часа по пробкам... Короче, можно мне в уборную? Срочно.

— Конечно... да, проходи.

Тима пулей проносится мимо, а я тихо ржу в кулак.

Ну идеальная ведь пара!

Один три часа в пробке мучился, вторая столько же — от голода над кастрюлей. А что уж теперь? Маски сброшены!

— Тима! — кричу я в сторону коридора. — Ты борщ вообще любишь?

— Обожаю, милая! — доносится бодрый ответ.

Прекрасно! В этот момент мы реально похожи на супругов с двадцатилетним стажем: переговариваемся через стенку туалета и параллельно планируем «праздничный» ужин. Ну красота же! А главное — я наконец-то ПОЕМ.

Если от нас обоих будет разить чесноком — это не считается. Иду довольная разогревать вторую тарелку!

Образы Сони и Тимы в обычной жизни:

Глава 19. Действие «вериг»

Тимофей

Прилетаю в Москву. Конечно, не по делам — к ней.

Что так цепляет в этой девчонке — не знаю.

Красота? Да сколько у меня их было, красивых? Много.

Особые качества души? Да как поймешь, что там за три дня знакомства!

Юмор, легкость? Фигня, за такой срок не распробуешь.

Физика? Так у нас и не было почти ничего. Но тянет магнитом — это точно. Хотя... ко многим ведь изначально тянуло.

Что зацепило? Да всё! Всё, что было, что чувствуется, что ощущается и видится — всё моё. Вот моё, и точка!

А почему? На этот вопрос ответить не могу.

Хочется защитить, оградить, сберечь от всей гадости. Даже от самого себя, от собственного бэкграунда. Зачем? Не понимаю. Просто знаю, что так нужно.

Еду из аэропорта к Соне.

Со стороны, наверное, выглядит более чем странно. Мне просто нужно, физически необходимо убедиться, что с ней всё в порядке. А еще я хочу посмотреть ей в глаза и понять: то, что происходит у меня в голове, в душе, в сердце — это не

плод воображения. Не фантом, родившийся от случайного столкновения с ней.

Не доверяю ей? Нет, дело не в ней. Скорее, я не доверяю самому себе и своему прошлому. Раньше всё было сродни купле-продаже — просто и понятно. С этой девочкой всё иначе. Тут какой-то договор дарения и безвозмездного пользования...

Мне нужно убедиться, что я не начудил, что всё так и есть на самом деле.

В московских пробках — жуть. Заезжаю в ресторанчик прямо у Сонькиного дома. Пью кофе. Иду освежиться. Не могу я явиться к ней «запыленным» после перелета.

Задача номер один — попасть к ней в дом, а не просто выманить на улицу. Повод дурацкий, хоть и рабочий на сто процентов: прошусь в уборную. Дурь! Но с Сонькой можно неформально. В любом случае я считаю её отношение, мне это важнее. Если ее реакция будет странной, жесткой или такой с «закатыванием глаз», то будет ясно, что я видел в ней не то...

Сонька не задумываясь и не комментируя, будто мы старые друзья-товарищи или супруги с многолетним стажем, показывает мне направление. Стою, мою руки. А что еще делать? Нужно же создавать видимость, что мне сюда прямо очень надо было.

А она... опять не подводит. Зовет меня с дороги к столу. Без лишнего пафоса разогревает борщ. Ну мечта!

Сознание так и кричит: «Своя она, своя! Моя!»

Но сканирую дальше.

В периметре видимости нет ничего, что сигнализировало бы о Стасе или вообще о каком-то мужике в доме. Ни фото, ни букетов, ни заставок на технике, ни кружек с именами — ничего. Это радует и снова дает сигнал: не обманулся.

На ней хоть и жутко сексапильный халатик, однако она не разодетая кукла. На ногах — милые носочки. Без пошлости, без умысла, без намека на провокацию. Девочка совсем. Искренняя. Доверчивая.

«Вериги» на ней. Не сняла. Хотя, наверное, они и неуместно смотрятся с домашним образом. Но не сняла!

И честная... Такая честная, что стоит нам сесть за стол — а стол семейный такой, настоящий, как у родителей: борщ, черный хлеб, сало, огурчики и нормальный чай, а не эти ваши жасмины с матчами... — как она выдает:

— Тима, я думала на тебя впечатление произвести, даже наряд приготовила. Извини, что я в домашнем.

Щечки рдеют, глаза в пол. Да ты моя хорошая... И опять — не игра. Всё по-настоящему.

— Сонька, да ты и так потрясающая. И халатик твой, капец, заманушный.

— Я без цели, просто люблю так дома ходить. Девочка должна быть девочкой.

Еда — обалдеть какая вкусная. И тут бы ей подыграть,

приписать заслуги себе, но Сонька выдает:

— Это мама готовила, а соленья — бабуля. Мама всегда мне говорит, что из всех дочерей я самая криворукая. Зато я феерично умею готовить одно блюдо — омлет.

Ну вот и как тут не заржать? Ведь она под омлетом понимает реально приготовленные яйца в разных вариациях... Да, Кармазин, с кем ты до этого общался? И зачем? Когда на свете есть такая прелесть.

— Приготовишь как-нибудь мне? — спрашиваю, стараясь не выдать своего умиления.

— С удовольствием! А ты какой любишь?

Блин, и что ответить? Перед глазами всплывают картинки с совсем другими «омлетами» в исполнении бывших. Фу! Кармазин, выбрось, выплюнь из своего мозга эту дрянь хотя бы на время! Не оскверняй момент.

Голос чуть садится. Прочищаю связки и отвечаю:

— Я не знаю... классический. — Судорожно перебираю варианты в голове. — С молоком.

— Я как-нибудь тебе и турецкий вариант приготовлю. Я обожаю менемен...

— Тоже люблю.

Конечно, мы с моими безопасниками уже кучу всего на Стаса нарыли, но мне нужно как-то обосновать свой визит для Сони. А еще — преподать ей важный урок общения с

такими, как он. Согласен: её визит в бордель и созерцание Стаса в «естественной среде» — это было жестко, хотя и действительно. Теперь — следующий шаг.

— Сонь, Стас заявление накатал. Мол, я ему немного фейс поправил. Поможешь мне?

— Конечно! Что нужно? — какая же она малышка, готова за меня и в огонь...

— Ничего критичного. Нужно припугнуть его встречным заявлением с твоей стороны — о побоях. Синяки еще видны. Думаю, до освидетельствования не дойдет: этот недомужик точно не вяжется в такую игру. Свидетелей того, что он на тебя руку поднимал, полно, да и камеры вокруг вашего шале всё писали.

Сонька аж дышать перестает. Бледнеет. Боится его до дрожи.

Вот же скотина! Такой девочке чуть жизнь не испортил.

— Тима, а что мне ему сказать?

— Скажи, чтобы забрал заявление на Кармазина. Иначе ты отправишь встречное — о побоях.

— Нет, я так не смогу. Давай я в блокнот запишу...

Она реально идет в комнату и возвращается с ручкой и блокнотом. Сложно ей проявлять стойкость? Конечно. Не для этого «цветочка» такая модель поведения. Опять жирный плюс в мою копилку «необознатушек».

Пишет «речь». Звонит. По инерции тянет руку к «веригам» — они ей реально помогают, вот она, сила убеждения. Внушаемая девочка, тем более беречь надо.

Этот пиндюк берет трубку после первого же гудка. Я слышу их разговор.

— Одумалась, Софья! Хорошо, что одумалась!

— Я не одумалась, — её голос немного дрожит, но она старается. — Забери заявление на Кармазина. Если нет — я пишу встречное, за избиение и насилие.

Опа! Легкий холодок бежит по спине.

— Ты ничего не докажешь, дура, особенно за последнее! — орет этот ублюдок в трубку.

— Избиение было! Синяки есть до сих пор, свидетели есть, записи камер — есть. А про второе... — Голос Соньки срывается — я не хотела, а ты принудил!

Я не прерываю, сам в шоке. Этот утырок еще и... Убью, суку! Мои кулаки сами собой сжимаются.

— Не докажешь, что не хотела! — насмехается Стас. — Восемнадцать есть, следов нет. Месяц прошел...

Сонька прочно держит кулон, и её уже не остановить. Настоящая Мата Хари во плоти!

— Я пожалуй твою отцу и своему деду. Я напишу в прокуратуру, укажу то, где ты служишь, и всю твою подноготную. Если думаешь, что тебя не потрепают, то ты плохо знаешь мою семью и связи деда. Ты плохо знаешь наш институт государства и военные структуры... Они тебе житья

не дадут! Ты понял?!

— Ишь как заговорила? Присунул уже тебе этот Кармазин? Да?! — захлебывается злобой Стас.

— Это только ты можешь присовывать, подсовывать и принуждать! По себе не судят! Забери заявление, или я пойду на всё. Не видать тебе ни карьеры, ни званий, ни уважения соратников! Я всё одним махом перечеркну и опозорю тебя перед всеми!

Сонька с силой сбрасывает звонок. Откидывает телефон на стол. Руки сцеплены в попытке обнять саму себя. Она вся сжимается в комочек, глаз не поднимает, губы дрожат...

Вот нахера я это затеял?! Ведь не знал! Не думал, что там настолько всё ранено.

Встаю, подхожу к Соньке, притягиваю её к себе. Обнимаю, буквально окутываю её собой от всего мира. Не могу сдержаться — немного качаю её, пытаюсь успокоить, а она плачет. Горько, навзрыд... искренне так. У меня сердце сейчас разорвется.

Ну не везет тебе, Сонька, с мужиками! Один придурок сотворил, а я — всковырнул... Всё. Не трону больше эту тему. Буду дальше сам решать, без её привлечения.

Через пару минут Сонька успокаивается. Чуть отстраняется:

— Спасибо, Тима. С тобой хорошо. Я хочу пояснить, — она вытирает глаза и еще всхлипывает, слезы больше не текут. — Там не всё так страшно было.

— Шшш, Сонь, не надо. Я не требую ответа, не надо.

Но она взбрыкивает. Интуитивно тянется к «веригам». Хорошо, что я их ей надел. И это не про ювелирку и её стоимость. Для неё они реально знак, сила и опора.

— Я хочу рассказать! Я! Понимаешь?

Киваю.

— Я просто не хотела. После первого раза... я не хотела. Он напоил и... Утром я ничего не помнила, но тело давало знать: и синяки, и засосы... А я не помню ничего. — её голос срывается.

— Тише, моя девочка, — укладываю голову Соньки к себе на грудь, глажу по спине. Такая хрупкая девочка. Ну как с таким чудом так поступить? Её на руках носить, конфетами кормить, цветами задаривать, а уже потом о чем-то думать... Сладкая, но совсем еще ребенок.

Гляжу на неё — и внутри всё переворачивается. Наивная, хрупкая, при этом такая отчаянная. Моя. Ну по всем фронтам моя!

— Сонька, — шепчу, уткнувшись носом в её макушку, — всё. Забудь. Теперь ты под моей броней. Ни один гад ближе чем на выстрел не подойдет. Обещаю.

Чувствую, как она делает глубокий выдох, и её плечи наконец расслабляются. Напряжение, которое звенело в ней натянутой струной, уходит. Она доверчиво прижимается ко мне, и в этот момент я понимаю: никакие «вериги», никакие деньги и связи не стоят вот этого простого жеста.

— Тима, — доносится из-под моего подбородка тихий, чуть осипший голос. — А борщ-то совсем остыл...

Не выдерживаю, хмыкаю. Вот же чудо моё! Только что готова была прокуратурой и дедом-генералом судьбы ломать, а теперь о борще переживает.

— Да подогреем, — улыбаюсь, аккуратно отстраняя её, чтобы заглянуть в глаза. — Нам спешить некуда. Весь мир подождет, пока мы ужинаем.

Стираю большим пальцем последнюю дорожку от слезы на её щеке. Сонька шмыгает носом и вдруг улыбается — так искренне и тепло, что у меня в груди становится тесно.

— Идем, воительница, — легонько подталкиваю её в сторону стола. — Будем эту вкусноту уничтожать.

А внутри себе говорю: «А вот эту «вкусноту» в виде Сони Андриевской будем беречь. И хе

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.